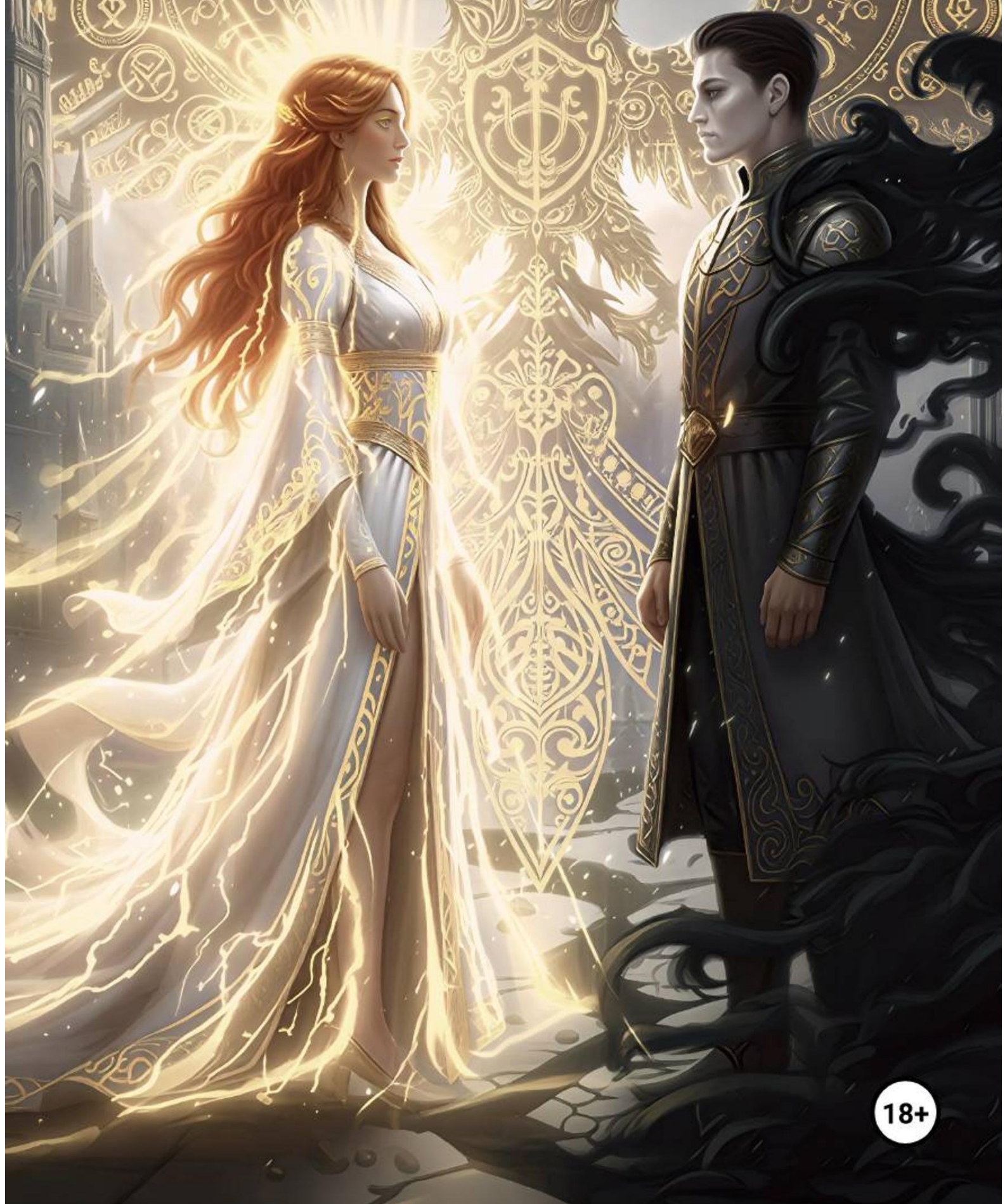

Сломанные боги

18+

Реанор Рейнер

Сломанные боги

«Автор»

2026

Рейнер Р.

Сломанные боги / Р. Рейнер — «Автор», 2026

Недавно оправившаяся от гражданской войны Клардарская империя сталкивается с новой угрозой: армии мёртвых и разумных зверей, сметающие города один за другим. Императрица Ланенель понимает — её сил больше не хватает. Единственный, кто способен остановить катастрофу, — Даркиаль, жестокий император, которого она сама когда-то заточила в проклятом городе Даэроне. Но возвращение Дарка приносит не только надежду на спасение. Оно пробуждает старые страхи, старые обиды и претензии на власть. Пока мёртвые наступают, а династии лордов готовятся к войнам, императорская семья должна решить: смогут ли они объединиться ради спасения мира — или станут причиной его гибели.

© Рейнер Р., 2026

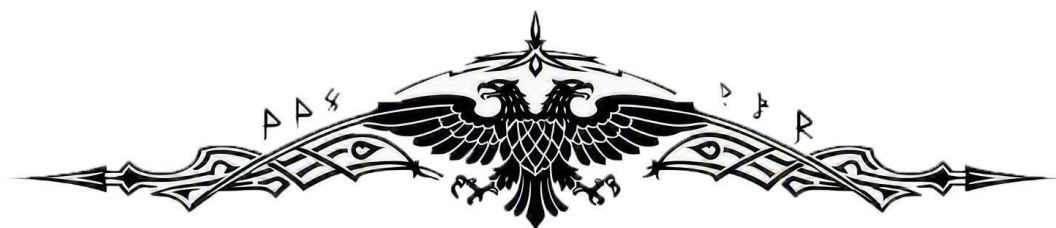
© Автор, 2026

Содержание

Том 1	5
Пролог	6
Глава 1 Тьма идёт обратно	9
Глава 2 Исповедь	14
Глава 3 Перед свиданием	21
Глава 4 Откровение	27
Глава 5 Рутинa	30
Глава 6 Император Тьмы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Реанор Рейнер Сломанные боги

Том 1

Пролог

Эта ночь ничем не отличалась от прочих. Кое-где в небе мерцали звёзды. Луна время от времени выглядывала из-за туч, но тут же исчезала — точно преступник, боящийся быть замеченным. Дул пронизывающий холодный ветер. Погода на севере всегда была ужасной. Особенно снег: жёсткий, как сталь, сухой, как столетние сухари.

Лунный свет прошёлся по пологому склону берега, поднялся по отвесным скалам, что виднелись на горизонте. С такого расстояния казалось, будто они упираются прямо в небеса.

Так всегда было в этом месте — забытом и империей, и богами. И всё же здесь стояла башня. Невысокая, покосившаяся, со слабо мерцающими защитными рунами. Она выдержала ветра, штормы и снег. От ворот этого укрепления тянулась едва заметная дорога к трём крепостям — настолько далёким, что их не было видно с верхней смотровой площадки.

Около вершины башни имелся небольшой балкон. На нём сидел человек — единственный сторож на многие километры вокруг.

— Надо отразить это в отчёте. Пусть наложат новые руны, — подумал военный, глядя на мерцающие символы.

Смотритель башни с печалью оглядел окрестности. Одет он был просто, по-военному: доспехи, копьё, щит. Единственным, что могло бы выделить этого человека от рядового солдата, было кольцо на пальце — перстень с аметистом, сверкавший даже в полумраке.

Личный подарок императрицы за пинок под зад из столицы. Смотритель покачал головой:

— И зачем я отменил проклятую помолвку? — Подумал сторож. Север не отвечал.

Человек снова посмотрел на море. Сменщик сдал ему пост пять минут назад.

— А может, и вечность, — раздражённо подумал он.

Чтобы отвлечься, сторож взял книгу и начал читать. Пришлось направить магию в глаза — пятидесятилетнему человеку сложно видеть в темноте. За чтением он провёл около часа.

И вдруг слух уловил странный звук. Тихий, неприятный — похожий на чавканье чудовища, разрывающего жертву. Чтение увлекло сторожа, и он не сразу понял, что что-то не так. Звук повторился. Теперь ближе. И ещё. И ещё.

Сторож поднял взгляд. Осмотрелся. Всё было привычно: лес, что с каждым годом подступал ближе, дорога, поля. Он решил, что послышалось, и вернулся к чтению. Но звук повторился с настойчивостью, которую невозможно было игнорировать.

Наконец сторож повернулся к морю. Сердце забило быстрее, мышцы напряглись.

Пришлось долго вглядываться в воду. В такие ночи она казалась жидким металлом, отказывающимся застывать даже в мороз. Но море вело себя неправильно.

У берега всё было обычным: чёрно-серая масса лениво би-лась о камни. Однако дальше — вода стояла. Совершенно ровной стеной, колыхавшейся, словно пьяница, идущий по улице. И светилась. То тут, то там вспыхивали странные узоры.

Сильного мага никогда не поставили бы сторожем забытой даже крысами башни. Человек направил всю магию в глаза, отозвав-шиеся ноющей болью, — и увидел.

Воды не было. Вместо неё — тела. Тысячи разлагающихся трупов, светящихся узорами, похожими на татуировки. словно безумные художники расписали мертвецов от головы до ног.

Сторож моргнул. Мёртвые не исчезли. Они стали ближе. Теперь в неверном свете луны можно было разглядеть вытянутые тела тварей со звериными черепами, существ без голов, а одно чудовище представляло собой несколько сотен сердец, облепивших бедренную кость, подобно кораллам.

Смотритель стоял, не понимая, что делать, и смотрел, как на него медленно, но неостановимо движется гигантская армия существ из легенд. Несколько десятков уже почти достигли берега.

Лишь спустя минуту сторож пришёл в себя. Всё это время он сидел на стуле, за которым начиналась лестница на самый верх башни. Он бросился туда.

Поднимаясь, дозорный услышал вой. Рванный вопль, похожий одновременно на плач новорождённого и конец мира. Мёртвые узнали о нём. Но были далеко.

Магия сторожа устремилась в ноги. Они стали быстрыми, словно в молодости. Солдату показалось — за спиной выросли крылья. Осталась одна ступенька. Он прыгнул.

Сильный удар в грудь — и он покатился вниз. Боль вспыхнула, как фальшивая нота в музыке. Но маг направил всю силу в голову — и не потерял сознание.

Перед ним опустилась тварь.

Нечто, что не должно было существовать. Когда-то — человек. Теперь всё тело было испещрено узорами: извивающимися линиями, подобными клубку переплетённых змей. Они изгибались так, будто их рисовали пьяные художники. И тело твари повторяло эти линии: изогнутое, ломаное. Левая рука — почти нормальная. Правая — сломана так, что сторожу стало больно от одного взгляда. Но двигалась она, как человеческая.

Смотритель направил магию в руки. Из указательного пальца вылетел десяток рун. Рыжий свет заполнил лестницу. Тварь рванулась вперёд, знаки обратились в пламя. Оно с шипением устремилось к мертвецу, коснулось мёртвой плоти — и тут же исчезло.

Тварь снова попыталась ударить. Сторож уклонился. Посмотрел в ту сторону, где находились крепости.

— Об этом уже подумают другие, — решил он.

Магия рванула в ноги. Сторож прыгнул со стены, зацепился за перила, толкнул себя в сторону — и оказался сбоку от твари. За спиной вспыхнула руна — круг, разделённый пополам: «вверх». Магия толкнула человека, и он оказался на лестнице, за спиной существа.

— Получилось.

Но убрать руку с перил воин не успел. Мертвец развернулся.

Его сломанная рука превратилась в меч и отсекла кисть сторожа.

Смотритель закричал — впервые в жизни так громко. Его предали императрица, невеста, место службы. Но не физика. Она позволила ему удержаться на ногах — и сделать шаг к вершине.

Осталась одна ступень. Солдат поднял ногу. Это заняло вечность. Он слышал, как поднимается тварь. Как лязгает меч. Как воют другие монстры, выбравшиеся на берег. И только теперь понял, что всё это время чувствует отвратительный запах — как на скотобойне.

— В могиле об этом подумаю, — разозлился он на себя. Нога встала на площадку. Руны, покрывавшие вершину баш-

ни, вспыхнули, как погребальный костёр.

Но тварь уже была рядом. Меч вошёл в грудь сторожа и замер. Сторож не успел почувствовать холод стали около сердца. Не успел почувствовать тепло крови. Даже не успел хрипнуть.

— Санкрифицирум¹. — прошептал он.

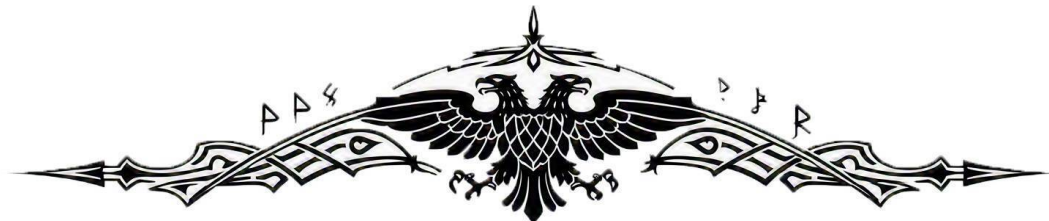
Тело начало сиять. Рыжий свет распространялся из груди, откуда торчал меч. Боль не успела охватить тело — оно обращалось в магию.

Порыв ветра отбросил мертвеца. Меч вышел из раны. Тело мага сползло на камень — и поднялось в небо. Руки, ноги, голова исчезли. Всё тело превратилось в столб пламени. Руны на вершине закружились огненным вихрем. Усиленная магия взметнулась в небеса. Рёв колдовского огня был таким громким, что его слышала вся округа.

Столб пламени поднялся ещё выше и сформировал символ — шесть перекрещенных мечей, устремлённых к безразличному небу.

Огонь начал слабеть. С ним угасало и сознание сторожа. Уже на грани смерти он услышал, как вдалеке заревели трубы. Крепости получили сигнал.

— Теперь они успеют, — подумал смотритель башни. И позволил себе умереть.

Глава 1 Тьма идёт обратно

— Это абсурд! — выкрикнул человек. Обычно спокойный, как статуя, Херихор вскочил со своего стула. — Ваше величество, это просто недопустимо!

Херихор подался вперёд с той навязчивостью, с какой дама выставляет напоказ глубокое декольте. На его шее качнулась массивная золотая сфера, испещрённая древними письменами и драгоценными камнями. Она висела на толстой цепи того же металла. Украшение с глухим стуком ударилось о стол — словно пытаясь поставить точку в споре.

— Ни в одном священном писании вы не найдёте оправдания такому!

— Я согласен с Иерофантом Херихором, — послышался голос необычайной красоты, скорее подходивший певцу, чем политику. — Мы не можем его вернуть. Он нас всех просто перебьёт. Чтобы отомстить. — Говоривший пожал плечами.

— Ты спешишь, — произнёс усталый голос. — Такое решение уже не отыграешь назад.

Человек, к которому обращались собравшиеся, медленно поднял руку, призывая к тишине. Это была женщина. Лицо скрывала белая вуаль. На голове — лёгкая тиара. Всё тело закрыто тяжёлым белым платьем с золотым узором. Казалось, спина императрицы гнётся под тяжестью этого одеяния. Слегка трясущиеся руки сильно сжимали трость из белого дерева. На ладонях — перчатки, а на ногах — сапоги с мехом, хотя за окном стояло лето.

Императрица слушала всех, но ни разу не подняла взгляд на говорящих. Она смотрела на карту, нарисованную прямо на столе. Ближе всего к ней была северная сторона. И сейчас пожилая женщина многое бы отдала, чтобы это было не так. Куда бы Лана ни отвела глаза, взгляд возвращался к небольшому полуострову — Даэро́ну.

Казалось, что даже через карту на неё смотрит тьма. Что чёрные линии границ и рек становятся толще, превращаясь в щупальца, тянущиеся к императрице. На секунду её тело напряглось — словно она почувствовала давление магии мужа.

— Ваше величество? — послышался холодный и спокойный женский голос.

Императрица быстро подняла голову. Она сидела во главе прямоугольного стола: большого и массивного. Рассчитан он был на девятнадцать человек, но в помещении находилось всего пять.

По левую руку от Ланы сидел Херихор. Одет он был в простую тунику, хотя и сделанную из лучшей шерсти. На ногах — обтягивающие штаны и сапоги. Всё белого цвета. Главу Единственной Церкви всегда можно было отличить по слишком большому лбу и маленьким глазам. Даже сейчас, когда Херихор был потрясён, глаза оставались крошечными.

Рядом с Иерофантом сидел человек с прекрасным голосом — Парти́ат. Одет он был в плотную куртку с жёстким воротником, который скрывал длинную шею. Широкие брюки по последней моде, сапоги на высокой подошве и меч у пояса. Партиат хмуро смотрел на карту. С каждым вдохом брови его сдвигались к переносице всё сильнее, и потому лицо показалось Лане похожим на гнилое яблоко.

Справа от Ланы, ближе к ней, сидела женщина. В серо-золотом кафтане с весьма длинными по современной моде рукавами. Она сидела, скрестив ноги и руки, глядя перед собой. Хмурый взгляд серых глаз был устремлён на Даэрон. Звали её Вáэли.

Последним был Нуа́т. Одет он был в тунику синего цвета с оранжевым узором. На груди виднелась брошь с изображением множества нитей, связанных в узел. Молодой человек опёр подбородок на руки и уставился на Даэрон.

Слева и справа от стола тянулись колонны, украшенные ба-рельефами морд животных. Камень, на котором были вырезаны эти древние узоры, сверкал серебряными прожилками. Гобелены на стенах и большие шкафы вдоль них, запах ладана и мирры из курильниц. Это место не менялось с тех пор, как...

— Как Дарк был здесь в последний раз, — подумала Лана с лёгкой грустью, а вслух сказала: — Вы все говорите разумные вещи. Голос императрицы совершенно не подходил её возрасту: звонкий и очень мелодичный. — Однако... — она взяла свою трость поудобнее. — Мёртвые у Лихельма. — Её величество протянула трость как указку и ткнула в место на карте.

Горная система Тысяча Пиков тянулась через весь континент от Паршивого моря на севере до Невозможных вод на юге. Затем разделялась на два «рукава». Один шёл по всему побережью Нервных Вод, а второй — обрывался около города Лихельм.

— Рано или поздно, — говорила Лана, — не мёртвые, так поганища возьмут город. Мы потеряли весь запад государства. А значит, все самые плодородные земли у врага. Тридцать случаев задержек поставок еды в войска за три месяца. Два бюджетных кризиса за три года. А что будет дальше?

— Поспешность — всегда залог провала, — глухо произнёс Херихор, не отрывая глаз от своего украшения. — И, подобно императору Каиалу в прошлом, мы накормим всех нуждающихся.

— Все земли, граничащие с Тысячей Пиков, — императрица провела тростью по всей горной системе, — поставляют всё меньше и меньше стали. Кому-то не хватает работников. А где-то рудники просто перестали приносить руду. — Она покачала головой. — Я уже молчу о том, что сражаться с этими тварями можно только магией тьмы. А она есть только у моего мужа.

— Но ваш муж просто убьёт вас, — сказал Нуат, смотря Лане в глаза. — Мы не сможем контролировать Дарка. Какой смысл выпускать того, кто убьёт нас без разговоров?

— Мёртвые тоже убивают нас без разговоров, — ответила императрица. — Мой муж жесток. Но с ним можно договариваться, доказывать, объяснять. Переговоры с мертвецами пока, скажем прямо, неудачны. И я лучше снова преклоню колени перед мужем, чем пойду на переговоры с разумными животными. А что скажешь ты, Ваэли?

Женщина в серо-золотом вздрогнула. Всё это время она смотрела перед собой, не показывая никаких эмоций.

— Как ваша Рука Шпионов скажу следующее, — начала Ваэли напряжённым голосом. — Народ устал от войны. Интриги множатся. Западные династии готовы сцепиться с восточными в Пятиглазье. Прибрежные лорды теряют деньги. Торговцы, гильдии, ремесленники — все против них. Недовольны лордами я имею в виду. Даже крестьяне. Я понимаю, почему вы хотите вернуть императора. Но это настроит против вас знать, крестьян и... — её ноготь тихо постучал по столу, указывая на Херихора. — снизит поддержку.

— Если я этого не сделаю, и поддерживающие, и не поддерживающие умрут, — проговорила Лана. В мелодичном звуке её голоса послышалась обречённость. — Вы — те, кому я доверю жизнь. А потому скажу вам то, что никому не дано услышать. Я не знаю, что делать.

Давящая тишина опустилась на зал после этих слов. Она была такой плотной, что Лане показалось — воздух стал вязким, как смола. Дыхание собравшихся, их жесты, даже тонкая струйка дыма, поднимавшаяся из курильницы, будто застыли в воздухе, не решаясь продолжить путь к потолку.

— Уже можно говорить, — с нетерпением подумала Лана. Надо было поставить им вина. Хотя что-то, что разбавило бы эту мёртвую тишину.

Взгляд императрицы медленно скользил по подчинённым. Херихор сидел с видом человека, которому уже вынесли приговор. Он время от времени качал головой, словно пытаясь отогнать невидимую муху, и сжимал сферу так сильно, будто держал в руках горло императора.

Сидящий рядом Партиат продолжал хмуриться. Он иногда открывал свои толстые губы и закрывал, не решаясь говорить.

Лана чувствовала, как её собственное сердце бьётся слишком громко. В этой тишине даже этот звук показался ей неуместным.

Тишина затянулась. Ваэли сидела, скрестив руки на груди, лишь чуть наклонив голову — будто прислушиваясь к собственным мыслям. Иногда девушка напрягала пальцы один за другим — размышляла над чем-то. Нуат опустил голову, уныло глядя на колени. Как будто на него внезапно обрушилась тяжесть собственных решений.

Прошла минута. Вдруг Ваэли быстро почесала за левым ухом. Нуат заметил это краем глаза и повторил жест. Увидев это, Партиат нахмурился ещё больше, но промолчал.

— Они согласны, — поняла Лана и быстро поправила рукав платья в ответ.

— Видите ли, — сказала она увереннее, — Сйлас, Линаэг, Семфион — отличные люди. Они делают всё возможное. Держат мёртвых, провинции, гильдии лекарей. Но они не справляются. Дбугэсы в Пятиглазье гибнут как мухи, Лайсакбол и Зайрия опять спорят о землях. Да и вы уже и сами на грани. Когда последний раз спала, а, Ваэли? Когда ты последний раз вылезал из книг, Нуат?

Ваэли невольно улыбнулась. Нуат пожал плечами.

— Я не могу заставить работать, — она обвела рукой комнату. — Всё это. А он может. Он...

— Госпожа, — перебил Херихор и набрал в грудь больше воздуха. — Ваше величество. Вы хотите как лучше. Но вы уничтожите всех. Даже если всё получится, даже если он не убьёт нас, даже если согласится помогать... Как люди, спасённые тьмой, получают спасение в свете богини? Вы — её сосуд! Вы искупили наши грехи, победив его. Неужели своей же рукой обречёте нас на тьму?

Лана посмотрела на Иерофанта:

— Не путайте учение и жизнь. Я никогда не была чьим-то со-судом. И не стала им и сейчас. Что до остального — придумайте, как им замаливать грехи. Спасайте души, лорд-Иерофант, пока я спасаю тела. — Она замолчала, обдумывая. — Я знаю, на какой риск иду. Я держала его за шкуру более сотни лет. Но решение принято. Вы услышали это как друзья. Но... — она посмотрела прямо на Херихора. — Решение принято. Император возвращается.

Ваэли выдохнула, словно утопающий, который смог всплыть над водой. Нуат вздрогнул и уставился на карту. Херихор посмотрел на императрицу с сильным укором. Партиат открыл было рот. На его лице эмоции непонимания, обречённости и ужаса сменили друг друга с поразительной скоростью. Он уставился на свои руки.

— Готовьтесь. Летняя резиденция, та, что около озера, должна быть приведена в вид, который впечатлит даже его. У вас на это где-то неделя. Ваэли, покрой все стены своими рунами. Нуат, на тебе защитные и сдерживающие чары. Партиат, найди лучших людей, которых сможешь поставить охранять то место. Некоторое время я буду держать мужа там. Херихор — инквизиторы. Ваэли, подбери прислугу. Нуат, у меня к тебе отдельное дело.

С этими словами она вышла из комнаты. Нуат последовал за ней спустя миг, а остальные остались сидеть неподвижно. На краткий миг все трое — Партиат, Ваэли и Херихор — ощутили покалывание по всему телу, жар, поднимающийся от сердца, и, почему-то, онемение ног.

— Возвращается, — тихо сказал Херихор, когда шаги Нуата и Ланы затихли.

— Какого чёрта она творит? — спросил наконец Партиат. — Настолько рискованный шаг. Оно того не стоит.

Ваэли пожала плечами и встала:

— Императрица приняла решение, — сказала она. — Пора работать.

Остальные тоже стали расходиться.

Лана шагом гораздо более быстрым, чем свойственно её возрасту, двигалась по узким коридорам замка. Нуат следовал за ней. Вскоре они достигли одного из залов, который назывался Синяя Комната. Она предназначалась для писарей, но в час ночи никого в ней не было.

Потолок помещения был сделан из материала, который в империи называли «каменный светлячок». По серому камню ветви-лись желтоватые узоры, освещавшие зал.

— Ты сильно рискуешь, — заметил Нуат, когда они сели на диван, обтянутый синей тканью с узором в виде красных треугольников.

— Ты дал сигнал, что на моей стороне. И Ваэли. Мне этого достаточно.

Нуат покачал головой:

— Мёртвые — магическая загадка. Если кто-то её решит, то император. И... признаться, я скучаю по тем временам, когда мы с ним пили. Совершали открытия. — Нуат слегка улыбнулся, тяжело вздохнул. — Учти, что как глава Рук Трона, поддержать тебя открыто не смогу. Потеря доверия лордов приведет нас к проблемам.

— Этого я и ожидала.

Лана вздохнула, оглядывая зал. Большую его часть занимали массивные столы, заваленные бумагами. Лана не понимала зачем, но она оглядела все помещение, пока не встретила взглядом с Нуатом. Оранжевые глаза Главы Рук Трона смотрели на повелительницу с вниманием и заботой, на какие только был способен усталый человек.

— Но всё же, — сказал Нуат. — Каков план? Он без года восемьдесят лет сидит в разрушенном городе в окружении мёртвых тел. Он вообще в своём уме?

— Это повысило его сдержанность, умение думать о людях и, конечно, пробудило самые тёплые чувства к нам, — весело ответила Лана нарочито беззаботным тоном. — Завтра мы отправимся в путь, убедиться в этом лично.

— Завтра? Мы? И когда мне накладывать защиту?

— Ну, у тебя ещё как минимум десять часов. — Лана похлопала его по плечу. — Я прибуду к озеру завтра, но не ранее семи часов вечера, и мы тотчас же отправимся в дорогу, друг мой.

Нуат кивнул.

Спустя три часа Лана наконец осталась одна. Она сбежала от Херихора, который охотился за ней с очередной проповедью, как паук за мухой. Уклонилась от чиновника с какими-то документами. Пару раз пряталась от Партиата. И добралась до покоев.

— И чего вам всем не спится? — думала она, тихо закрывая за собой дверь.

Это было просторное помещение. Пол устилал мягкий белый ковёр с ворсом настолько густым, что напоминал мох. Стены украшали десятки картин. Слева от входа — огромная кровать. Лана особенно гордилась коллекцией пледов, аккуратно разложенных на одеяле. Она выбрала жёлтый и направилась в дальний угол комнаты. В стене, расположенной напротив входной двери, имелось окно — в три человеческих роста. Перед ним стояло кресло-качалка. Рядом стол.

Лана села в кресло, щёлкнула пальцами. Под потолком появился небольшой золотой шар, наполнивший комнату тусклым светом. Какое-то время императрица смотрела на башни замка. Возможно, задремала. Весь день хотела она остаться одна. Но, исполнив эту маленькую мечту, Лана поймала себя на мысли, что предпочла бы рядом даже мертвеца, лишь бы не собственные мысли.

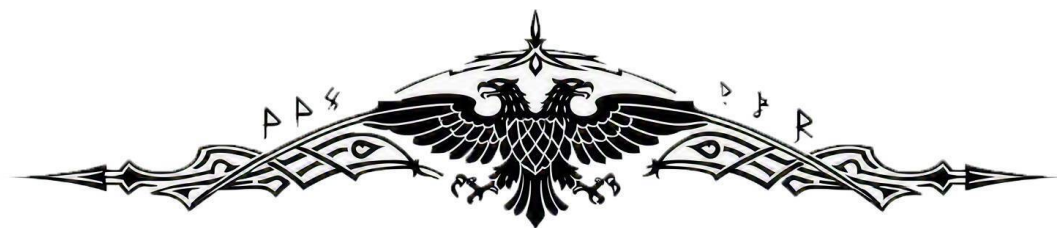
Она ощущала, как стучит сердце. Всё сильнее, громче, сбиваясь с ритма. Мир перед глазами дрогнул, превращаясь в картину неумелого художника: линии поплыли, цвета смешались в бесформенные пятна. Подступила тошнота — будто старушка проглотила что-то испорченное.

Перед её мысленным взором — тысячи монстров. Существа, чья кожа — доспехи. Люди, ставшие скорее животными. Тени в углах комнаты сгустились, устремились вперёд, точно хищники, что почувствовали слабость добычи. Лана зажмурилась, но видение усилилось. За строем живых доспехов, за людьми-зверьми появились чёрные громады щупалец, соединённых вместе. На их концах гигантские пасти, способные проглотить целый дом.

В ноздри ударил запах дорогого вина. На миг Лане показалось, что краем глаза она видит бледный силуэт. Старушка вздрогнула. Он растворился, стоило императрице обернуться.

— В конечном итоге, вряд ли он убьёт всех, — подумала Лана. — Надо же кем-то поведать.

Она плотнее закуталась в плед. И вскоре уснула.

Глава 2 Исповедь

Настал поздний вечер следующего дня. Три часа назад Лана покинула императорский замок и направилась куда-то на север. Нуат улетел ещё раньше — вместе с Ваэли и Партиатом. Трёх Рук Трона и императрицы не было в сердце империи, но оно всё равно продолжало биться — тяжело и глухо.

С рассвета замок наполнился звуками работы, похожими на чавканье собаки, нашедшей кусок мяса. Каменные стены дрожали от шагов: тысячи ног отбивали ритм, будто молоты по наковальням. Слуги, чиновники, стража, просители — все двигались в рваном танце. Люди сталкивались, расходились, снова сходились, образуя потоки, которые невозможно остановить.

Воздух был густым от запахов: бумаги, свежих чернил, пота, пыли, дорогих духов, старых пергаментов. В каждом углу слышался шёпот — короткие сделки, быстрые договорённости, интриги, которые рождались прямо на ходу. Писари, согнувшись под тяжестью свитков, тащили стопки документов. Чиновники перекладывали друг другу бумаги, сидя за широкими столами, словно переставляли шахматные фигуры в только им понятной логике.

То тут, то там раздавались выкрики: приказы, замечания, ругань. Гомон нарастал с каждой минутой, превращаясь то в нестройный хор, то в гул базара, но всё равно оставался частью одного огромного, неповоротливого, но живого имперского организма.

Эта суeta никогда не нравилась Херихору. Толпы людей, казалось, без цели носились туда-сюда с широко открытыми глазами. Время от времени в этом море попадались островки спокойствия — лорды, шедшие медленно и степенно. И даже они постоянно мотали головами, шептались по углам и разбегались, словно крысы, стоило появиться поблизости какой-нибудь Руке Трона. Поэтому Иерофант решил спрятаться от безумия.

Для этого Херихор выбрал небольшой кабинет. Обставлен он был просто, как того требовал церковный закон. Большой стол из грубо отёсанного дерева расположился вдоль одной из стен. За ним — окно в три человеческих роста, украшенное мозаикой с изображением какого-то святого человека. На столе разместились чернильница, перо и несколько чистых листов бумаги. По левую руку от стола — пара кресел, обитых бархатом красного цвета. И диван достаточно длинный, чтобы пять человек могли свободно на нём сесть.

В центре комнаты, напротив письменного стола, красовался небольшой столик из стекла. На нём покоился ларец, украшенный настолько богато, что это казалось неприличным среди простого убранства комнаты. Выполненный из серого дерева, самого дорогого в империи, он был покрыт золотыми узорами, особыми на каждой стороне ларца. Та сторона, что была видна Херихору с его места за письменным столом, например, была украшена узором в виде круга с шестью линиями. Последние шли из центра круга и выходили за его границы. Внутри ларца покоилась золотая сфера Херихора, которая называлась «крозиаль» и была главным символом власти Иерофанта над церковью.

Херихор смотрел на ларец уже двадцать минут, но время тянулось так медленно, что казалось — он сидит здесь целую неделю. Иерофанту казалось, что его заперли в собственном теле, словно муху в банке. Внутри расплзалась отвратительная, липкая слабость, будто кто-то вынул из плоти кости и оставил только дрожащую кожу.

С того самого мгновения, когда Лана произнесла слова о возвращении императора, Херихор перестал ощущать себя правителем. Скорее — существом, оказавшимся во власти чего-то большего, чем он сам. Даже почесать запястье — простейшее движение — казалось подвигом, недоступным сейчас. Запястье зудело, умоляло, требовало, но тело оставалось неподвижным, как статуя, которой забыли приделать суставы.

Иногда картинка перед глазами тускнела, словно кто-то медленно гасил свет в комнате, поворачивая невидимый регулятор. Приходилось моргать, возвращая ясность, но ясность не

приносила облегчения — она только подчёркивала полную беспомощность перед тем, что грядёт.

В груди копилась злость — слабая, дрожащая, как у старика, который понимает, что не может поднять руку, чтобы ударить. Злость на Лану, на церковь, на судьбу, на самого себя. Но эта злость не давала сил — она только жгла изнутри, как кислота, разъедая остатки уверенности.

Паника поднималась медленно, как вода подбирается ко рту утопающего: каждый новый сантиметр — это шаг к концу. Херихор чувствовал её в висках, которые покалывали; в дыхании, которое становилось слишком частым; в сердце, которое билось так громко, что казалось — его слышно в коридоре. Да что уж там — во всей империи.

Он понимал, что должен что-то сделать. Он понимал, что бездействие — смерть. Он понимал, что церковь ждёт его решения. Но впервые в жизни делать он ничего не хотел.

Каждая мысль упиралась в тупик. Каждое возможное решение казалось неправильным. Каждая попытка подумать — как шаг в трясину, где ноги уходят всё глубже, а руки не слушаются.

— Лучше бы я оставался рыцарем, — подумал Херихор. — Как же ты был прав, отец.

Иерофант на миг вспомнил, как вышибал из седла именитых лордов, как изящество его фехтования оценил сам Партиат, как десятки дам жаждали его внимания. Эти воспоминания принесли некоторое облегчение. Херихор, хотя, наверное, это было грешно, никогда не забывал турнир в городе Тирцея. Там он за один день победил и в рыцарских дуэлях — выбил из седла тридцать всадников, и в магических дуэлях — тринадцать лордов получили ожоги и сдались. А один сразу признал поражение. Херихор сам не заметил, как улыбнулся от таких воспоминаний.

Это придало столько сил, что Иерофант поднял взгляд к потолку, украшенному картиной. На ней была изображена женщина в белом платье: выющиеся локоны, выполненные золотом, глаза-лазуриты. Херихор не знал как, но художник сумел сделать выражение этих глаз необычайно нежным и внимательным. Стояла женщина на облаке, сотканном из сотен птиц. Богиня Элианара раскинула руки, словно стремилась обнять Херихора.

— Что мне делать? — подумал Херихор, но богиня не поспешила дать ответ.

Как показалось Херихору, он задремал. Но на самом деле прошло всего несколько минут. Внезапный скрип заставил Иерофанта вздрогнуть, а порыв ветра — поднять взгляд. В дверях кабинета стоял молодой человек, едва достигший двадцати. Просторная серая ряса висела на нём так, будто была сшита для кого-то крупнее: рукава с золотым узором слегка собирались у запястий, а бирюзовый воротник подчёркивал худую шею. Лысая голова блестела, как отполированный камень, и из-за узкого подбородка лицо казалось вытянутым, почти детским — будто яйцо, которому приделали слишком длинную шею и слишком короткие плечи.

В руках юноша держал поднос с тарелками, двумя бокалами и бутылкой из цветного стекла. Судя по запаху, быстро распространившемуся по комнате, вино было лучшего качества.

— Вы не ели, ваше высокопреосвященство, — сказал гость с низким поклоном. — И велели напоминать вам, если забываете о еде.

Херихор хотел что-то сказать, но сил открыть рот не нашлось. Потому просто кивнул. Вскоре перед Иерофантом появилась тарелка с картофелем и мясом, бокал воды и вина.

— Саифен, — сказал Херихор, когда послушник уже собрался выходить.

— Ваше высокопреосвященство? — отозвался тот.

— Какой сегодня день?

— Четверг, — с сомнением произнёс юноша.

— Верно. — Херихор поймал взгляд собеседника. — А что в четверг запрещается есть любому священнику рангом выше канон-ника?

Некоторое время Саифен морщил лоб, пытаясь вспомнить. Он скользнул взглядом по потолку, по Херихору и наконец сосредоточился на окне за спиной Иерофанта, словно там был написан ответ на заданный вопрос.

— Мясо, — наконец сказал Херихор. — Ты уже три месяца прислуживаешь мне? Нет, — поправил он себя, — пять месяцев. И каждые две недели одно и то же. А ведь в Установленном Писании, в пятом стихе, прямо указан запрет. Никогда бы этого не запомнил, не ошибайся он так часто, — подумал Херихор. — Что ж, — продолжил Иерофант вслух, — переписывай первые сорок пять стихов Установленного Писания. Опять.

— Да, ваше высокопреосвященство, — обречённо ответил юноша и направился к выходу.

— Вы в порядке? — спросил Херихор. — Сегодня вы более рассеянный, чем обычно.

Послушник вздрогнул так резко, будто к лицу поднесли пламя, и метнулся к столу Иерофанта. Саифен схватил тарелки с таким усердием, что те едва не вылетели из рук — мясо опасно качнулось, словно собираясь совершить путешествие прямо на колени Херихора.

В попытке спасти тарелки юноша дёрнул поднос к себе, но сделал это слишком рьяно: край подноса задел кубок с водой, и тот покачнувшись, как старый пьяница, который вот-вот упадёт, но всё же удержался — исключительно благодаря тому, что послушник в панике прижал поднос к груди, превращая себя в живой щит.

— Наверное, стоило бы наказать его розгами, — подумал Херихор, глядя, как Саифен закрывает за собой дверь. — Где перо не помогает, там поможет плеть, — пропел он про себя строчку из песни своего детства. — Но мне вот боль не помогла выучить устройство храмов.

И ещё на час кабинет замер. Херихору казалось, что он стоит на спинах двух воронов, каждый из которых летит в противоположную сторону. Пару раз Иерофант хватался за стол — казалось, что падает.

— Можно было бы восстать, — размышлял Иерофант. — Запретить все службы и все дела церкви, пока она не отменит своего решения. — он вздрогнул. — Нет, это навредит и так страдающей империи. Оставить всё как есть? Значит, вернуть всех во власть этого монстра? — Херихор вздрогнул. — Ну почему именно при мне она это решила?

Каким-то образом Иерофант нашёл в себе силы встать и начать ходить по кабинету.

— Он убил как минимум одного Иерофанта, Саярона. Едва не начал раскол на сарадитскую и клардárскую церкви. И это только за первый год существования империи. Нет-нет-нет. Нельзя оставлять всё как есть. Но сарадитских священников много... Сам же я их вывозил в первый год нападения... Вот ведь... на мою голову.

Дверь вновь отворилась. На этот раз вошла девушка — примерно тридцати лет, с той спокойной уверенностью, которая появляется у людей, давно привыкших к строгому распорядку церковной жизни. Как и Саифен, она была полностью лысой: гладкая кожа головы поблёскивала в свете, подчёркивая правильные, почти строгие линии лица. Просторная красная мантия скрывала её фигуру целиком, ниспадая тяжёлыми складками до самых щиколоток. Белые символы на ткани напоминали тонкие корни, тянущиеся вниз — знак её ранга и принадлежности к высшему духовенству. На пальце — золотой перстень, массивный, с узором. Кольцо казалось слишком тяжёлым для такой молодой руки.

Она двигалась быстро, но без суеты — как человек, который знает, что несёт важные вести и не имеет права ошибиться.

— Ваше высокопреосвященство, — сказала она. — Архиканонник Клардара просит о срочной аудиенции.

Херихор нахмурился. Осмотрел кабинет. Покачал головой.

— Велите приготовить зал для встреч, — приказал Иерофант. — Я скоро буду.

— Архиканонник просит о личной встрече, повелитель, — с низким поклоном сказала девушка. — Немедленной встрече.

Херихор быстро поправил одежду, надел крозиаль и проговорил:

— Зови.

В помещение оказался худой, низкий человек с густой бородой. Его кожа, сухая и бледная, напоминала старую бумагу, которую слишком долго держали под солнцем. Полузакрытые глаза смотрели из-под тяжёлых век так, будто каждый взгляд требовал от него усилия.

Гость двигался медленно, осторожно, как человек, привыкший рассчитывать каждое движение. При ходьбе он опирался на посох — тонкую, но крепкую позолоченную ветвь дерева, увенчанную зелёным камнем. Камень мерцал тускло, словно хранил в себе остатки света, который давно погас.

Просторная мантия пшеничного цвета полностью скрывала фигуру и, по всей видимости, была для священника слишком тяжела. Золотая нить тянулась по всей длине мантии, складываясь в строки церковных текстов.

— Ваше высокопреосвященство, — проговорил архиканонник.

Херихор встал, сделал ровно шесть шагов навстречу гостю и остановился. После долгих ритуальных приветствий гость, которого звали Киэтол Карлиан, произнёс:

— Я хочу вам кое-что показать.

Из-под полы мантии Киэтол извлёк небольшую книгу и протянул её Херихору. Пожалуй, это был самый странный текст из виденных Иерофантом. Обложка сделана из серого дерева, инкрустирована драгоценными камнями — настолько тяжёлая, что Херихор едва её удержал. Но страницы под обложкой успели пожелтеть, не были переплетены, от чего превратились в нестройный набор листков, расположенных, однако, по порядку.

— Дневник Иерофанта Саярона? — спросил Херихор, пробежав взглядом первые страницы. — Полагаю, каждый священник читал его как минимум один раз в жизни.

— Это так, — отозвался Киэтол с поклоном. — Но правда и то, что никто не читал изначальную версию книги. Ваш предшественник приказал не публиковать её и лично внёс некоторые правки. Вы держите то, что мой дед писал под диктовку Саярона.

— Абсурд, — отозвался Херихор. — Подобное, разумеется, в духе Иерофанта Митриила. — при этих словах Херихор и Киэтол описали круг напротив груди. — Да растворится его душа в свете. Но редактировать книгу другого Иерофанта... Это уже слишком.

— Тем не менее, это факт, — пожал плечами Киэтол. — Мой дед писал оригинал. Мой отец редактировал его по приказу его высокопреосвященства Митриила.

— И почему вы решили показать её мне? — спросил Херихор.

— Видите ли, ваше высокопреосвященство, — вздохнул Киэтол. — Не люблю я всё это. Мне уже давно пора на покой. А меня пророчат в ваши преемники. — он покачал головой. — Мне хочется избавить своё сознание от одной тайны. Думаю, скоро и я умру. А раствориться в свете с некоторыми секретами нельзя. Но... — продолжил он после паузы, — есть и причина поважнее. Мои друзья говорят: из крепости Ринехор убрали гарнизон. В Звезде Траана тоже нет солдат. Всех внезапно перевели в Люфиан. — Киэтол невесело улыбнулся. — Если такой старик, как я, смог узнать об этом почти мгновенно, то остальные тоже в курсе.

— И?

— Я отлично знаю дневник Иерофанта Саярона. Но также читал и отчёты священников — тех, что служили в армии императрицы при штурме Даэрона. Одного священника, Мэтьяна, соблазнила её благородие Ваэли. Она сказала ему, я цитирую: «Она всё ещё его любит. Так что не советую упоминать о восстании императора». Он написал это в личном дневнике, который, слава богине, попал моему деду по наследству вместе с замком в столице. А потом — мне.

— Тот самый Мэтьян?

— Да, — кивнул Киэтол. — Все думали, почему она убедила Иерофанта Митриила назначить архиканонником Велитании именно его. Ведь были варианты лучше. А он единственный, кто в своей речи перед императрицей почти не касался императора Даркиаля. Про-

сто пообещал поддержку церкви в любых начинаниях. Затем стал её секретарём на короткое время. О тех временах он написал:

— «Она не врал. Императрица вздрагивает всякий раз, когда Даркиаля называют бунтовщиком». А ещё вы этой ночью заседали вместе с императрицей и подозрительно узким числом Рук Трона. Да и мёртвых уничтожает лишь одна конкретная стихия. — Киэтол нахмурился. — Я сложил два и два. И у меня получился император.

Херихор вздрогнул. Для него было очевидно, что рано или поздно кто-то узнает о возвращении мужа императрицы Ланенель. Но не на следующий же день.

— Невозможно, — ответил Херихор быстро. — Она никогда бы не совершила подобную ересь.

— А мёртвые никогда бы не ожили, — хмыкнул Киэтол. — В любом случае рано или поздно она решится. Вы должны узнать содержание страниц этого дневника. И желательно раньше императрицы Ланенель.

Херихор начал перелистывать страницы. Саярон был убит императором в самом начале войны Чёрного и Золотого Солнц и считался одним из главных сторонников её начала.

— Здесь всё то же самое, что в любом другом издании, — заметил Херихор. — Я не знаю всего наизусть, но всё же.

— Пятнадцать последних страниц, — ответил Киэтол.

Херихор прочитал указанное место — и уже на первом предложении его брови едва заметно дрогнули. Он перевёл взгляд на следующую строку, и кожа на лбу натянулась, словно пытаясь удержать мысли от распада. С каждой страницей напряжение в лице становилось всё более ощутимым: сначала лёгкая складка между бровей, затем тяжёлый, недоверчивый прищур, потом — резкое, почти болезненное моргание, будто слова на бумаге били его по глазам.

Он читал дальше, и губы начали поджиматься сами собой, превращаясь в тонкую линию. Скулы напряглись, словно кто-то незримый сжимал их пальцами. На пятой странице он остановился на мгновение, будто надеясь, что текст исчезнет, если моргнуть достаточно долго. Но слова оставались, и он продолжил — медленно, осторожно, как человек, который открывает дверь, за которой может быть чудовище.

А когда Херихор дошёл до последней строки, лицо его стало неподвижным, как каменная маска. Но в глазах — в этих маленьких, обычно спокойных глазах — стояло чистое потрясение, такое сильное, что казалось: ещё одно слово — и он просто перестанет дышать.

— Это правда?

— Зачем врать в личном дневнике? — пожал плечами Киэтол.

Херихор перечитал одну из страниц повторно.

— Если она об этом узнает, — продолжил говорить Киэтол, нам конец и без всякого императора Даркиаля.

Херихор принялся чесать подбородок. Он ощущал, как ускоряется биение сердца. На миг показалось, что волосы на голове встали дыбом. Пришлось вспомнить, что волосы Херихор сбрил очень давно.

— Кто ещё об этом знает? — спросил наконец Иерофант.

— Два человека в этой комнате, — ответил Киэтол.

— Если церковь и правда подделала столько отчётов, что императорская семья начала войну, — принялся размышлять Херихор, императрица узнает об этом, как только поговорит с императором.

— Вероятно, — ответил Киэтол. — И, пусть пока никто не догадывается о возвращении повелителя Клардара, все архиканоники, святые сеньоры и прочие будут настроены против.

— Нужно всё обдумать, — вздохнул Херихор.

— И обдумайте, как задобрить Ваэли, — сказал Киэтол, глядя в окно. — Половина подделок не сработала бы, не попади её благородие в плен к императору.

— То есть и она может рассказать правду?

— Теоретически.

Киэтол указал Херихору на несколько строчек в дневнике. Там было написано: «Завтра моё последнее обращение к пастве. Последнее. Странно записывать такое, будучи живым. Но я должен...»

— ...Но я должен сделать всё возможное, чтобы начать войну, — проговорил Киэтол. — Дед так и не дописал эту фразу. Но она есть в его личном дневнике. Он говорит, что не спал две ночи после того, как её услышал.

— И почему это важно?

— Иерофант Саярон... — Киэтол долго размышлял, прежде чем продолжить. — Судя по всему, хорошо узнал императора. Он понимал, что вовремя произнесённая речь представителем церкви может сделать многое.

Херихор задумался. Саярон действительно был убит императором Даркиалем в ходе проповеди. И день его убийства считался первым днём войны Чёрного и Золотого Солнца.

— Хочешь сказать, что Саярон составил речь так и читал её так, чтобы император Даркиаль точно... разозлился?

— Именно так, — кивнул Киэтол. — Скажу больше: он читал её в день переговоров между императором и императрицей специально, чтобы сорвать их. Как мы знаем, ему всё удалось.

— Если Ланенель решит, что церковь разрушила её семью...

Херихор задумался. — Думаю, нам придётся перебираться на земли мёртвых. Там будет безопаснее.

— Нам нужны союзники, — кивнул Киэтол.

— Да, ты прав, — вздохнул Херихор. — Но кто? Северных лордов она боится, как императора. Они ведь встали на его сторону без вопросов. Лайсакол? У них опять всё не слава богине. А о Ланкале лучше даже не вспоминать.

— Не торопитесь, ваше высокопреосвященство, — сказал Киэтол, подходя ближе к Херихору и понижая голос. — Я имел в виду, что нам следует понять, кто наши союзники. Внутри церкви, для начала. Святые сеньоры и инквизиция недовольны тем, что вы поддерживаете архиканонников. А архиканонники недовольны... В целом там полно священников из Сарадита. Понятно, чью сторону они займут, если император захочет организовать реформы.

— И что ты предлагаешь?

— Я мало чего смыслю в политике, — пожал плечами Киэтол. — Поэтому и дослужился до архиканонника в пятьдесят семь лет. Но я бы съездил к ним. Узнал бы, кто и что думает. Если вы мне доверяете, я бы сделал это сам.

— Вы слишком стары для подобного, — заметил Херихор. — Простите, если это вас задело, но это правда. С другой стороны, если я покину столицу, они решат, что так я выражаю несогласие. Это может повлечь ещё большие проблемы.

Они помолчали. Херихор задрал голову, засмотрелся на изображение богини. В его глазах оно медленно увеличивалось, словно желая обнять весь мир. Но советов от рисунка не последовало. Киэтол же сел на одно из кресел, охнул и принялся ждать решения своего повелителя.

— Тебя никуда не отправлю, — сказал Херихор. — Да и любой священник со мной будет говорить честнее, чем с архиканонником. Пусть и Архиканонником Клардара. Поеду по провинциям, посмотрю, что происходит.

Они обсудили ещё некоторые вопросы и разошлись спустя три часа с момента начала разговора.

Поздним вечером следующего дня Киэтол закончил богослужение в центральном соборе Клардара и отправился в свой особняк небольшой, но древний замок, который стоял на окраине столицы уже столько веков, что казался частью самой земли.

Это была приземистая, вытянутая постройка из серого камня, потемневшего от времени. Каменные блоки были неровными, местами потрескавшимися, и каждый из них напоминал старого, усталого стража, который стоит на своём месте уже сотни лет и не собирается уходить. На поверхности камня виднелись следы ветра, дождя и солнца — тонкие борозды, будто сама природа писала на стенах историю рода, который когда-то правил империей.

Три башни, невысокие и чуть наклонённые, словно поклонившиеся времени, были украшены широкими золотыми окружностями. Металл потускнел, но всё ещё сохранял отблеск былой роскоши.

Перед замком раскинулся небольшой сад, но не ухоженный — скорее живой музей. Когда-то один из предков Киэтола приказал свозить из всех уголков империи редкие растения, чтобы впечатлить одну даму. Потому сотни самых разных цветов, небольших деревьев и кустарников встречались здесь. Вероятно, когда-то они росли в совершенном порядке. Но теперь — там, куда упали семена.

Окружал замок невысокий каменный забор, местами покрытый мхом. Он не помог бы защититься даже от ребёнка. Зато на камне кое-где можно было увидеть защитные руны. Правда, около семисот лет они уже не работали.

Рядом с главными воротами Киэтол встретил молодого человека. Одет он был в рваньё, едва скрывавшее наготу. Стоило Киэтолу поравняться с ним, как нищий произнёс:

— Ваше благородие. Что мне доложить Ваэннелю?

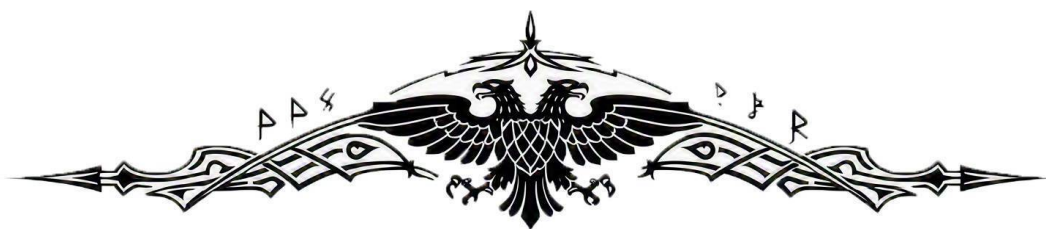
— Рука Шпионов везде, — вздохнул Киэтол. — Передай её благородию Ваэли, что я сделал всё от себя зависящее, чтобы Иерофант покинул столицу по крайней мере на время.

— В таком случае получите вот это, — нищий передал священнику свёрток.

— И как мне узнать, что у вас нет копий?

— Никак, — пожал плечами нищий. — Но её благородие клянётся вам, что мы не копируем ваших писем к замужней даме Ваэльсии с предложением свиданий. — последние слова шпион произнёс, едва сдерживая улыбку. — Хорошей ночи, ваше первосвятейшество.

С этими словами собеседник направился за угол дома Киэтола. А священник остался стоять на улице, краснея то ли от гнева, то ли от стыда.

Глава 3 Перед свиданием

Лана и Нуат летели уже пять дней — без остановок и передышек. Золотистые, обласканные солнцем поля центрального Клардара постепенно сменились суровыми, горбатыми хребтами северного предгорья, пока земля вновь не выровнялась, превратившись в бесконечную, мертвенную равнину.

Чем ближе они приближались к побережью Паршивого моря, тем холоднее становилось. Некогда плодородные угодья Заирии теперь напоминали лик луны: заросшие жёстким бурьяном поля были испещрены колоссальными кратерами, в которых могла бы целиком скрыться небольшая деревня. То тут, то там из земли, словно гнилые зубы, торчали обломки сторожевых башен. От некогда процветающих поселений остались лишь руины, напоминавшие рисунок чёрными красками — следы прежних битв.

Пролетая над широкими долинами, зажатыми в тисках холмов, путники видели тысячи глубоких, бездонных оврагов, чёрными молниями рассекавших почву. Восемьдесят лет назад эти провалы были не просто трещинами — то были пылающие тьмой «дыры», выпивавшие жизнь из всего живого. Теперь они зияли немymi ранами, напоминая о мощи магии, способной стирать города с лица земли.

Скелеты древних цитаделей, чьи стены были вывернуты наизнанку неведомой силой, провожали ковёр своим мёртвым взглядом. Ни птичьего крика, ни шелеста листвы — лишь звенящая, абсолютная тишина. Поля величайших сражений войны Чёрного и Золотого Солнца приветствовали странников безмолвием кладбища, где сама земля, казалось, до сих пор боялась вздохнуть, помня тяжёлую поступь имперских легионов и испепеляющий гнев властителя Даэрона.

Очередным ранним утром Лана и Нуат достигли места, которое называлось Дархёр.

Во время позднего этапа войны Чёрного и Золотого Солнца эта твердыня отмечала границу между владениями Дарка и землями Ланы. Величественная чёрная громада на фоне свинцового, вечно хмурого неба властно возвышалась над миром, подобно трону повелителя. Южная стена крепости обоими своими концами упиралась в воду, полностью перекрывая узкий перешеек. Две стены — западная и восточная — неустанно омывались Паршивым морем. Его волны мерно бились о чёрные камни и с поспешностью отступали.

Сделанная, казалось, из монолита конструкция напоминала Нуату характер её создателя — могучая, подобно его магии, и неподвластная векам, словно его воля. Перед ней — остатки двойного частокола, четырёх земляных валов и глубокие пасти трёх рвов. Разрушенные внешние укрепления с их острыми сколами и изломанными очертаниями походили на изрубленный доспех исполина.

В воротах зияла огромная дыра. Камень здесь оплавился, и до сих пор чувствовалась магическая сила. Нуат помнил, как Шай-фа, девушка, служившая Рукой Трона Торговли у Ланы в те годы, пробила эту брешь ценой своей жизни.

— Великая богиня, оно и сейчас производит впечатление, — сказал Нуат с грустью.

Лана покачала головой. По её телу прошла судорога, голова втянулась в плечи. Всего раз она видела, как тысячи трупов обволакивает тьма, превращая плоть в камень. И это было именно здесь. Лана помнила, как черные щупальца покрыли собой все: воды моря, землю перешейка. Они вырывались даже из тел павших. И на их концах появились молоты, резцы и все что необходимо для создания крепости. Магия в тот день ревела так, словно норовила докричаться до богини. Вой ветра, крики испуганных людей, ржание лошадей. Всё это напоминало Лане тогда суп. Потому что реальность в тот миг сварилась, как бульон: звуки, страхи, люди — всё бурлило, постоянно перемешивалось и искажалось.

— Да уж, — отозвалась Лана после раздумий. — Скольких он убил, чтобы создать такое место? — императрица вздрогнула.

Подул пронизывающий ветер. Казалось, будто мёртвые завывали, запертые в чёрном камне.

— Ложись спать, — сказала императрица. — У нас много дел завтра.

Они переступили порог высокой башни, находящейся в центре разрушенной цитадели. Некогда это здание служило домом кастеляну — управителю крепости, и даже спустя десятилетия запустения здесь витал дух бывшего величия. Стены, выкрашенные когда-то в благородные сине-белые тона, облупились, но всё ещё хранили следы искусной росписи. Повсюду, точно застывшие стражи, высились массивные бронзовые подсвечники, покрытые слоем пыли, а в тени углов угадывались очертания тяжёлых столов из морёного дуба — их древесина, тёмная и плотная, казалась равнодушной к течению времени.

Нуат, не задерживаясь внизу, поднялся по крутой винтовой лестнице, чьи ступени глухо отзывались на каждый шаг. На втором этаже, в покоях, залитых тусклым светом из узких бойниц, он отыскал массивную кровать с резным изголовьем.

В следующее мгновение воздух в башне дрогнул. Короткий жест, едва заметное движение воли — и огненные руки подхватили кровать. Плавно, словно пушинку, перенесли её через пролёт лестницы и опустили в центре первого этажа. По кровати прошла едва заметная волна огня, уничтожившая многолетнюю пыль.

— Ложись, — сказал Нуат. — Старикам нужны мягкие постели.

— Спасибо, внучек! — Лана сказала преувеличенно старческим голосом. — Ой, удружил старой женщине. — А серьёзным тоном добавила: — А ты где будешь спать?

— На ковре, — пожал плечами Нуат.

— Ложись рядом, — сказала Лана, похлопав по кровати. — Тут определённо хватит места.

— Я почти уверен, что ты этой ночью будешь ворочаться. Да и храпишь ты, словно лошадь после галопа. Так что я, пожалуй, в другой раз.

— Ну как знаешь, — ответила Лана.

Нуат расстелил свой ковёр около входа. Убедившись, что Лане удобно, лёг, щёлкнул пальцами. Над кроватью и ковром появилась едва заметная оранжевая дымка. Чары согревания должны были защищать от холода и сырости всю ночь. Некоторое время они лежали молча. Вскоре послышался храп, громче мыслей Нуата — Лана заснула. Но спустя пару мгновений раздался крик. Нуат вскочил.

Лана тяжело дышала. Широко открытые золотые глаза, быстрое дыхание.

— Лана, — спокойно позвал Нуат, касаясь её плеча.

Императрица почти мгновенно успокоилась. Резко села. Нуат устроился на небольшой стул, который нашёл около стола в дальней части башни.

— Кое-кто ошибся, — сказала Лана с невесёлой улыбкой. — Заснуть здесь — подвиг.

— И не поспоришь, — кивнул Нуат.

Некоторое время они молчали. Внезапно Лана встала и принялась мерить шагами комнату. С каждым её шагом поднималось облако пыли.

— Боже, что я вообще тут делаю? — прошептала Лана, махнув рукой на стену башни. Её голос сорвался на последних словах.

— Спасаешь империю, — отозвался Нуат, оставшийся на кровати.

— Этим... способом? — прошептала Лана. — Дарком?

— Ты права в том, что выбора нет.

— Есть, — проговорила Лана. Возможно, чтобы успокоиться, императрица принялась покачиваться вперёд-назад. — Просто отменить закон об убийствах детей со стихией тьмы. Обучить их рунам...

— Лана, — осторожно произнёс Нуат. — Даже в его времена это было невозможно.

— Ты прав... Ты... прав, — её плечи опустились. — Тогда можно скопировать его руны.
— Невозможно, — отозвался Нуат. — Даже я их не понимаю.
— Ты прав... — снова произнесла Лана, бледнея. — Всегда прав...
— Помнишь, как я впервые летал на ковре? Лана не сдержала улыбки.
— Зацепился за шпиль Тронной башни. Ещё и орал что-то на пьяном... Снимали тебя

всем дворцом.

— Ну, не то, чтобы всем... Я к тому, что никто не идеален.

— Давай спать. Я подготовился.

Из кармана своего кафтана Нуат достал свёрток с сухими листьями.

— Сонная трава высшего качества. Лично выращивал.

— Да, давай поспим хотя бы так.

Солнце они застали уже в пути. Оставив позади разрушенную крепость, путники направились вдоль реки, которая называлась Даривия. Когда-то это была самая большая река севера империи. И единственная замерзающая. Несмотря на это, в её чистых водах всегда водилось много рыбы. И даже на пиру в честь коронации Ланы и Дарка блюда из местной живности занимали особое место. Теперь же под влиянием мощи императора воды реки стали чёрными. Рыба исчезла, а вода неслась по небольшому склону невероятно быстро словно пыталась бежать из этой проклятой местности. Тишину нарушал только лёгкий ветерок. Он гудел в ушах, напоминая звуки далёкого сражения. Ни птиц, ни животных здесь не было.

— Мы совсем недавно укрепляли барьер, — сказал Нуат. — Как будем пробиваться внутрь?

— Ты хотел сказать «будешь», — ответила Лана.

— Что?

— Я иду одна.

— Ни за что, — возразил Нуат спокойно, но твёрдо. — Это слишком опасно. Кто знает, как изменились ловушки? Повлияла ли на них тьма? Ты можешь быть уверена только в своей и моей. Ты придёшь к Дарку не просто ослабленная, а вымотанная. Как планируешь выжить, когда снимешь с него цепи? Рассчитываешь на его объятия? Или, может быть, он пил всё это время и не сможет убить тебя, потому что не отличит от камня? По моим расчётам, тебе нужно где-то минут десять, чтобы вернуть былую силу. Кто будет прикрывать всё это время?

— Ты когда-нибудь решишь проблему своей речи? — усмехнулась Лана, откашлявшись.
— Слишком много говоришь.

— Не переводи тему, — ответил Нуат, нахмурившись. — Мои длинные речи нужны для того, чтобы ты поняла: возвращать его в Клардар — риск. Но оправданный. А идти к нему в одиночку — самоубийство. А самоубийство — зло. По крайней мере по мнению Херихора. — Нуат сгорбился, скрестил на груди руки. — А если он тебя не узнает? А если убьёт, как только вернёт силу? Да на что ты, тьма всё это заberi, вообще рассчитываешь?

— Помнишь случай, когда он взял в плен Ваэли? — спросила Лана.

— Конечно, мы ведь ещё были женаты в то время, — ответил

Нуат. — Как забыть такое? Я проснулся и узнал, что самого лучшего шпиона похитили.

— Он обещал не убивать её — и не убил. Хотя мог бы.

— И это его погубило, — усмехнулся Нуат. — Ваэли и из самой большой задницы доставит информацию.

Лана кивнула:

— Я к тому, что он сдержал слово.

Нуат посмотрел на неё широко открытыми глазами:

— Ты на полном серьёзе ставишь на его порядочность? Да у шлюхи больше невинности, чем у него доброты. Ваэли знала наши планы лучше многих — вот и выжила.

— Ты так не думаешь, — спокойно сказала Лана. — Или ты думал, что никто не знает о твоей любви к чёрным укреплениям?

Нуат виновато, болезненно улыбнулся. Рука Трона Заклинаний часто возвращался к Дархору. Маг зависал в холодном воздухе перед монолитной стеной. Если бы был в такие моменты посторонний, он бы заметил неисцелимую грусть. Нуат касался ладонью гладкой, мёртвой поверхности, надеясь, вероятно, услышать эхо тех жизней, что стали фундаментом этой крепости. Его пальцы едва заметно дрожали в те моменты, когда руки касались чёрного камня. Нуат пытался, правда пытался, понять принцип этой магии. Но всегда бросал бесплодные попытки.

Дархор казался Нуату обвинением. В тишине он иногда шепотом задавал крепости вопросы о цене мира, о причинах восстания её создателя, словно чёрные стены могли дать ответ, который не решался произнести император Даркиаль. Нуат сам не понимал, зачем раз за разом прилетает сюда, в это царство скорби. Нуат просто смотрел на безмолвный камень, чувствуя, как его собственная душа тяжелеет, становясь такой же непроницаемой и мрачной, как эти воздвигнутые на крови бастионы.

Лана тяжело вздохнула:

— Дарк — чудовище. Но он не всегда был таким. И ты, и я помним другого императора. Помнишь, как он радовался принятию Кодекса о гражданах? И кто обязал всех лордов содержать хотя бы один сиротский приют? А кто договорился о запасе зерна «на всякий случай»? Он был неплохим императором.

— Да ты с ума сошла! — Нуат щёлкнул пальцами, ковёр замер в воздухе. — Ты хочешь отдать ему трон Клардара?

— Нет, конечно, — ответила Лана. — Как можно отдать трон тому, кто превращал людей в монстров? Я предложу ему трон западного материка.

Нуат выдохнул:

— То есть после победы над поганищами и мёртвыми наши армии пойдут завоёвывать трон для Дарка на континент поганищ?

— Да, — сказала Лана театральным беззаботным тоном, хотя кулаки сжались. — Акт о ненападении, торговый договор и немного меня в качестве... — она подмигнула, словно самая плохая актриса. Ну ты понял.

Нуат побледнел:

— Скажи, что ты шутишь. Снова станешь его женой?

— Официально мы и не разведены, — тон Ланы стал серьёзным, но губы дрогнули. — Передо мной преклонили колени все лорды, советы всех городов, ты, иные люди. Я должна решить вашу проблему.

— И все мы не отдадим тебя Дарку, — сказал Нуат. Некоторое время они смотрели друг на друга. Умоляю, скажи, что у тебя есть план получше. Лана тяжело вздохнула:

— Мой муж больше всего на свете любит быть правым, — она говорила словно лектор в аудитории. — Я признаю часть вины. Это немного вернёт доверие и потешит его самоуверенность. Я предложу ему возвращение в мир — это то, чего он хочет больше всего. Я расскажу ему о мёртвых. Это такая магия, о которой люди ещё не знали. А он обожает подобные загадки. Ты удовлетворён? Если да — полетели.

Нуат подчинился. Остальную часть пути они проделали молча.

— Мы на месте, — сказала Лана.

Они достигли большой цепи холмов, что, подобно хребту заснувшего титана, рассекала полуостров от края до края. Даже спустя почти восемьдесят лет магия императора здесь сохранилась.

Сильное её давление делало управление ковром невероятно сложным.

На пике самого высокого холма, вонзаясь в небо, высилась колоссальная колонна тридцати метров в высоту. Пять метров в обхвате, высеченная из монолита, она доминировала

над пространством, воплощая собой несокрушимость. С каждой стороны света на колонне были высечены величественные фигуры рыцарей в доспехах — грозные изваяния, охранявшие магическую печать. Это был единственный рубеж обороны, который не предстояло пробивать силой.

Каждое изваяние было сплошь покрыто вязью магических рун, горевших яростным оранжево-алым пламенем. Искры, подобные каплям расплавленного золота, срывались с камня и стекали к подножию, исчезая в глубоком желобе. Глядя на этот поток, Нуат невольно вздрогнул. Маг помнил, как он сам и другие Руки Трона, истощая свои силы, вручную покрывали рунами каждый сантиметр желоба, тянувшегося до самого Даэрона.

Если бы путники осмотрели горизонт, они увидели бы силуэты других колонн, образующих единую цепь. Соединённые сияющими жилами желобов, они сплетали железную сеть. Соседние столпы извергали серо-коричневое марево магии земли; те, что восстали прямо из морской пучины, полыхали лазурью воды и пепельным светом воздуха. Вдали мерцал изумрудный столп — средоточие магии жизни. Все вместе они окружали последнее пристанище Дарка, вычерчивая на лике земли девятиконечную звезду, в чьём пылающем сердце навеки замер Даэрон.

— Твой выход, — нарочито весело заявила Лана, когда они поравнялись с колонной стихии огня.

Она сильно толкнула друга. Тот упал с ковра и полетел прямо на каменную конструкцию. Под ним мгновенно появилась золотая дымка, чтобы смягчить падение. А над телом Нуата возникли цепи они бросились к магу, желая опутать тело. В воздухе мгновенно появился запах ладана.

Нуат резким, рубящим движением рассёк воздух, и в то же мгновение вокруг него с оглушительным звоном рассыпалось созвездие из сотни пылающих рун. Секундой позже пространство, где он только что стоял, прошили золотые цепи. Но маг уже скользнул в сторону, став лишь размытой тенью: за мгновение до столкновения он оказался в нескольких метрах левее, оставив за собой лишь тающий шлейф искр.

Увидев это, Лана издала надрывный, судорожный стон, похожий на тот, что издаёт человек, когда сталь кинжала входит в плоть. Лана сжала кулаки. Быстрое, ровное дыхание, полный ярости взгляд устремился на Нуата, который спокойно стоял, скрестив на груди руки. Несколько ударов сердца — и ярость исчезла. Черты лица императрицы смягчились. Взгляд потупился, она невольно сделала шаг назад.

— Нуат, — сказала Лана, стараясь говорить холодно. — Я приняла решение.

— А я с ним не согласен. Однажды я уже остался в стороне и теперь мы здесь, снимаем Массив с моего лучшего друга, который совершил столько преступлений, что мне не сосчитать. Тогда я его не остановил. Теперь — остановлю тебя. Мы идём вместе.

— Нуат, император не говорит с «друзьями». Он говорит с теми, кто полезен прямо сейчас. Он убьёт тебя хотя бы для того, чтобы ты не мешал нам.

— О боги, — сказал Нуат. — Может, для тебя это открытие, но на тебе свет клином не сошёлся. Он — мой лучший друг. Мы знакомы дольше, чем ты с ним. И, если ты забыла, это я создал ритуал, сделавший его сильнее.

— Только вот ты с ним не спал, — сказала Лана. — И у нас мало времени.

Некоторое время они смотрели друг на друга, слушая только противное журчание воды внизу. Лана тяжело вздохнула. Перед собой она видела человека, который отчаянно пытается исправить ошибки. Только их было слишком много. И он начал не с той.

— Послушай, — сказала она наконец. — Только я способна говорить с ним так, чтобы он не устроил бойню. Но только ты можешь помочь мне сдерживать его позже. Сейчас он должен ненавидеть меня. Если мне удастся с ним договориться — то есть даже мне всё будет хорошо. Поэтому я одна и иду.

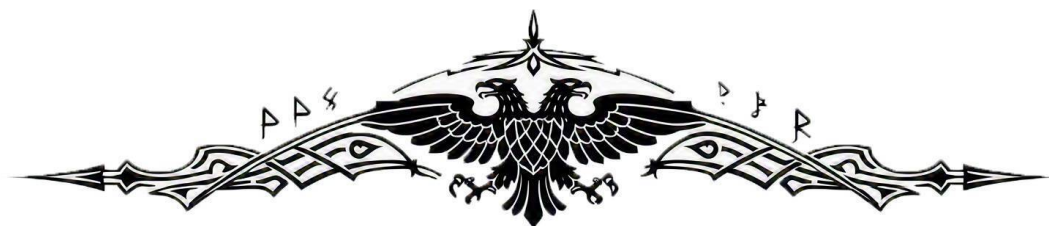
Нуат сжал кулаки. Лана всегда брала на себя слишком много, по его мнению. Старушка, стоявшая перед ним, казалась ему странной смесью долга, страха, нетерпения... и чего-то ещё.

— Надежды, — прошептал он вслух. — Ты всё ещё надеешься. А значит...

Тело Ланы сверкнуло золотом. Настолько ярко, что Нуат подумал, что он смотрит на солнце. В миг земля, воздух, чёрная вода Даривии обратились в свет. Прежде чем Нуат успел осмыслить хотя бы силу заклинания, цепи сковали его тело и бережно положили на колонну.

— Прости, — сказала Лана, и перед ногами Нуата в камне вырезалось это же слово.

Покончив с этим, Лана устремилась вперёд.

Глава 4 Откровение

В то время, когда Лана не смогла уснуть и принимала снотворное, неподалеку от того рукава Тысячи Пиков, который назывался Южное Крыло, камень закрыл небольшую пещеру. Поселившиеся здесь жители отходили ко сну.

В небольшой комнате, на соломенной постели, лежал человек. Кожа казалась болезненно бледной, почти прозрачной. Глаза были закрыты — он спал. Если бы в помещении был кто-то кроме спящего, наблюдатель бы назвал лицо красивым. Высокий лоб, короткие чёрные волосы, небольшой нос и тонкие губы. На человеке была чёрная мантия с вышитым красной нитью деревом: ствол из человеческих рук, ветви — из переплетённых пальцев, листья — головы, а корни уходили в озеро крови.

Мантия была мягкая, влажная. Человек ворочался, замирал, снова дёргался — так уже много часов. Казалось, его тело одновременно разрывают демоны и убаюкивают самые прекрасные женщины.

Комната, в которой спал человек, по своей сути была углублением в стене пещеры, вход в которую прикрывала драпировка из грубой ткани. Время от времени она колыхалась — мимо кто-то проходил. Помещение освещала почти догоревшая свеча. Пламя шипело, как загнанная в угол змея. В воздухе стоял тяжёлый запах плесени, сырости и гнили.

Человек сделал глубокий вдох. Внезапно его глаза распахнулись, тут же закатились. Из рта пошла пена. Тело выгнулось, каждая мышца напряглась — и он застыл.

В этот миг Зоэсím увидел сон.

Кровавое озеро, по которому ходили огромные волны. В совершенной тишине из самых недр озера вздымались к небесам волны в виде мечей, голов животных, щупалец. Они устремлялись друг к другу, сталкивались и рассыпались мириадами осколков хрусталя, агата, жемчуга и иных камней, которых человек не знал.

Озеро имело форму идеального круга, а вокруг него не было ничего, кроме тьмы. Непроглядного мрака, какой бывает только под землёй. В воображении оказавшегося здесь, на этой бесконечной равнине мрака, вспыхивали золотые, красные, синие, белые огни. Казалось, сознание смертного не способно воспринять совершенное отсутствие бытия и потому само наполняет его хоть чем-нибудь.

На противоположной стороне от того места, где появился человек, за озером росло дерево. Такое же, что было изображено на мантии. Груды человеческого мяса, тел животных и сгнивших, но узнаваемых стеблей растений складывались в огромный ствол, который и сто гигантов не смогли бы обхватить. Из тех же материалов были сделаны ветви, но также к ним добавлялись кристаллы неизвестных минералов серого цвета. Вместо листьев — около пяти-сот голов младенцев.

Под деревом стоял трон. Сделанный из тьмы и огня, он ярко выделялся на фоне красно-серого дерева, подобно зияющей ране. Левая, огненная сторона трона имела подлокотник в виде льва. Пламя его казалось невыносимо холодным. Из разинутой пасти чудовища лилась кровавая река, которая впадала в озеро. Правая часть, овечья, сделана из тьмы. Даже на большом расстоянии, а площадь озера была около километра, человек видел широко открытые глаза животного. Казалось, овечка готова в любой момент завопить, возможно, человеческим голосом. Пасть этой твари также была широко открыта. Туловища животных образовывали подлокотники трона, а его спинку — множество хвостов. Десять у каждого существа. Только почему-то хвосты были лисьими.

Человек моргнул. Видение не исчезло. А вместо этого в его сознание хлынули тысячи фактов: забытые разговоры, реплики и события вонзались в его сознание подобно спицам под

ногти. Он вспомнил, как в самый первый раз спросил, какова площадь озера. Появившись здесь в третий раз, посчитал количество лисьих хвостов животных.

— Зоэсим, — прозвучал голос. Он показался тихим, звучал слева от человека. — Зоэсим, — повторил он.

Зоэсим резко обернулся, но рядом никого не было. Он снова перевёл взгляд на трон. И уже стоял вплотную к нему, на расстоянии примерно трёх метров. Теперь на троне сидел старик. Высокий, с длинной бородой. Брови его были настолько густыми, что почти скрывали глаза. Волосы — седые. Зоэсим знал, как выглядят глаза этого существа, и потому опустил голову и приклонил колени, чтобы точно не встретиться с ним взглядом.

— Кто же вы, повелитель? — спросил человек, падая на колени. — Мы говорим уже шестой раз, но я не знаю вашего великого имени.

— У меня нет имени. Ты знаешь меня как императора Дарка, но раньше меня звали и Лианйл, и Элиас, и Яин. Зови как хочешь.

— Значит... вы прежний император? Вы вернулись?

— Нет. Но скоро, — ответил старик. — И нет, вернётся не тот же император. Я изменился. Сейчас ты видишь мой истинный облик.

— Неужели это случится? — Зоэсим не смог скрыть радости.

— Это так, — кивнул старик. — Я запустил процессы, которые уже не остановить. Я вызвал мёртвых из таких планов мира, о которых лучше не говорить. Мир ждёт обновление, о котором никто и не мечтал. Я хочу создать не идеальный, но хороший мир — для тех, кто предан. Для таких, как ты.

— Как пожелаете, повелитель, — сказал Зоэсим. Он наклонился ниже и поцеловал тьму перед троном. Сейчас ты спишь и находишься в подобии моего Сердца Магии. Когда проснёшься — должен действовать.

— Я передам ваши слова моему учителю, — поклонился Зоэсим.

— Я сказал, действовать должен ты, а не Заэрбн, — заметил старик. Только теперь Зоэсим услышал странное эхо: в пустоте голос старика распадался на тысячи, но всё равно звучал как один. — Заэрон достоин многого. Он помог организовать вторжение. Но теперь он стал слишком аккуратным. Точнее — преступно аккуратным.

— Преступно? Повелитель, мой брат бы вас никогда не предал, — Зоэсим дерзнул поднять голову. Тело старика казалось величественным и тщедушным одновременно. Оно подходило человеку, который не ел лет десять. Но одновременно от него исходило давление, способное стереть целый мир.

Скорее случайно, чем намеренно, Зоэсим взглянул в глаза своего повелителя. Два самых обычных по размеру чёрных глаза воспринимались Зоэсимом как громадные дыры, внутри которых бушевали одновременно сражения, возводились города. Он увидел силуэт в левом глазу: из водной глади медленно поднималась суша, напоминавшая континент Карфилум своими очертаниями. И одновременно в правом глазу эта же земля пылала в гигантском пожаре.

— Я не говорил о предательстве, — ответил старик, прикрыв глаза, чтобы Зоэсим вернулся в реальность. — Но, если бы он не колебался, я говорил бы сейчас с ним. А говорю с тобой — с тем, чей разум лучше всех понимает мой. Твоего брата нужно убить. Не бойся. Я верну его. Как верну всех. И не так, как тварей, что готовятся стереть Лихельм с лица земли. А в настоящем теле.

— Я повинуюсь каждому вашему слову, повелитель... но мой брат... Он привёл меня сюда. Он дал мне всё. Он верен вам, клянусь!

— Он колеблется. А я собираюсь штурмовать восточную часть империи ложной династии. Он вернётся, когда всё будет кончено.

Зоэсим медленно кивнул.

— А чтобы упростить тебе дело... — старик медленно поднял руку, словно тяжесть времени давила на неё. — Вот.

Из-под ног старика появилось облако тьмы. Прежде чем Зоэсим успел хотя бы осознать факт появления мрака, облако устремилось к нему. Через глаза, уши, нос, поры кожи оно устремилось внутрь тела. Зоэсим ожидал смерти, боли. Но не почувствовал ничего. Только лёгкое покалывание на пару мгновений. А затем ощутил силу. Мощь разлилась по телу, подобно реке, вышедшей из берегов. Его Сердце Магии пульсировало, увеличивалась скорость его вращения. Голова Зоэсима закружилась, он едва не потерял сознание. Зоэсим закричал от страха, а спустя миг ощутил блаженство. Казалось, стоит пошевелить пальцем — и целый мир прекратит своё существование.

— Это, в определённом смысле, разумное существо, — сказал старик. — Оно будет помогать тебе, исполняя в меру возможностей твои желания. Но будь осторожен, Зоэсим. То, что я дал тебе, опаснее самого лучшего в мире меча.

Видение исчезло. Зоэсим обнаружил себя в своей кровати. Спина выгнулась — на кровати находились только его голова и пятки. Остальное зависло в воздухе. И каждый сантиметр плоти ужасно болел. Медленно, осторожно Зоэсим сполз с кровати. Но затёкшие руки подвели его, и он кубарем покатился вниз.

Сектант зажмурился, ожидая удара о камень, но провалился, казалось, в чёрный пух. Зоэсим моргнул. Привычного мерцания наростов на пещере не было. Как и света свечи. Он мог видеть только кровать и своё тело. Весь остальной мир был отделён плотной завесой мрака. Спустя пару мгновений тьма собралась в сферу и застыла перед его лицом.

— Всё-таки это был не сон... — с горечью подумал Зоэсим. Он коснулся сферы. На ощупь она была тёплой и гладкой, словно он трогал только что вылепленную из глины игрушку. Зоэсим потянулся ещё дальше, и рука вышла из противоположного конца сферы.

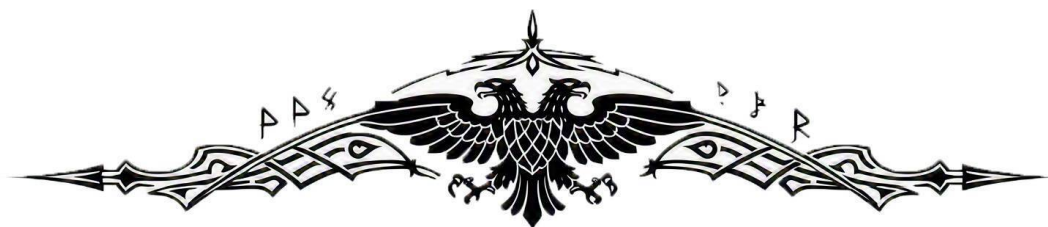
— Невероятно, — прошептал он.

Тьма скользнула под одежду, образовав нечто вроде едва заметной кольчуги. Зоэсим вскрикнул от неожиданности, ожидая смерти. Но тьма лишь согрела его — только сейчас он понял, что дрожит от холода в пещере. И каким-то образом мрак впитал в себя влагу, сделав мантию Зоэсима не такой противной на ощупь, как раньше.

В дальней части комнаты имелось небольшое зеркало и умывальник. Зоэсим подошёл к растрескавшемуся стеклу. Обычные чёрные волосы, бледная кожа, которая постепенно восстанавливала румянец. Только глаза сильно впали, словно он и не спал.

— Это был не сон, — повторил он, и тьма под одеждой шевельнулась.

Зоэсим не понял, как осознал этот факт, но тьма кивнула. Он сполз по неровной стене пещеры и устоялся на один из камней, сверкавших в темноте. Сам не заметил, как заплакал. Спустя пару минут заставил себя расправить мантию, умыться водой из кружки, что стояла на небольшом столике около зеркала, и пойти на утреннюю службу.

Глава 5 Рутинa

В день перед той ночью, когда Лана остановилась в Дархоре, а Зоэсим получил приказ убить брата, утро выдалось солнечным. Золотистые лучи утреннего солнца лениво перетекали по тесным жилам городских улиц, согревая черепицу домов и серый камень казарм. Свет неспешно карабкался по кручам горной гряды, озаряя бесснежные пики и, разумеется, не мог обойти вниманием исполинскую тридцатиметровую стену. Камни её весело искрили наложенными чарами, точно хвастаясь небесному своду своими возможностями.

С гор и моря на юго-востоке дул лёгкий, на первый взгляд освежающий бриз. Однако вместе с прохладой он приносил тяжёлый, приторный смрад нечистот, заставлявший прохожих брезгливо морщиться и прижимать платки к носам. Местные лорды годами вели ленивые споры о том, что выгребные ямы пора бы перенести подальше от города, но благие намерения, как водится, так и оставались намерениями.

На самой вершине стены молитвы о переносе сточных ям звучали особенно истово. Те, кому выпало нести караул, изнывали под тяжестью доспехов: летний зной не щадил никого, заставляя воинов, как им казалось, закипать в собственном поту. Защитников на стенах было много — даже слишком для мирного утра.

Значительную часть этого тесного строя занимали рыцари в алых плащах. На их спинах, расправленные лёгким ветром, красовались вышитые гербы — два перекрещенных жёлтых клинка. Между гвардейцами находились обычные солдаты в кожаной, железной, стальной броне — в зависимости от богатства их лорда.

Все они смотрели на горы. Громады из земли и камня, поросшие травой, деревьями, тянулись настолько, насколько хватало глаз. Нападения отсюда ждал бы только параноик. Но приказ есть приказ

и стража тарасилась на горы, будто с их склонов вот-вот должен был спуститься каменный великан из местных легенд.

Среди рыцарей в красных плащах прогуливался человек. Одет был просто, но богато. Рубаха, штаны и сапоги не имели совсем никаких украшений, но были сделаны из дорогой ткани, идеально выглажены. К его поясу крепились ножны со слишком простым, по сравнению с мечами рыцарей, клинком. Однако, когда человек проходил поблизости, каждый солдат приветствовал его небольшим поклоном. На голове прохаживающегося было нечто вроде короны — тиара. Сделана она была из золота, украшена рисунком в виде крепостной стены.

Взгляд этого человека медленно скользил по бойницам, каменному полу стены. И лицо становилось всё менее и менее довольным. Даже в обычное время Силаса Роуэна нельзя было назвать красивым. Большое количество морщин избородило лицо. Слишком большие уши, отрубленный кончик носа. Шрамы, похожие на молнии, заменяли пятидесятилетнему мужчине морщины. Короткие волосы были тронуты сединой. Словом, даже в хорошем расположении духа Силас бы напугал и мёртвого.

— И как это понимать? — спросил он наконец.

— Лорд Роуэн? — отозвался молодой человек, следовавший за ним как тень.

На вид Фатиму было не более пятнадцати лет. Одет он был в кожаную куртку, плотно прилегающие к телу штаны и специальные сапоги для верховой езды. Паж постоянно морщился — с каждым дуновением ветра со стороны канализации.

— Позови лорда, который руководил наложением чар на стенах, — приказал Силас.

Молодой человек поклонился и подошёл к группе людей, которые стояли на некотором отдалении. Это собрание выглядело чужеродно на стенах. Их кафтаны пестрели всеми цветами радуги: родовые гербы, вышитые золотом и канителью, — словно они явились на бал, а не

войну. Вокруг каждого лорда суетилась целая свита верные оруженосцы и вышколенные слуги, создавая вокруг своих господ кокон излишнего комфорта.

Они вели тихую беседу — шёпот их тонул в шуме ветра, не достигая ушей ни Силаса, ни его гвардейцев. Но стоило тяжёлому шагу лорда Роуэна зазвучать вблизи, как заговорщицкое шипение мгновенно обрывалось. Аристократы тут же напускали на себя вид безмятежной скуки, устремляя пустые взоры на горизонт, будто всё происходящее на стене не стоило и доли их высокого внимания.

— Лорд Намэриос лорду Роуэну, — громко выкрикнул молодой паж, подойдя к этой группе.

Вышел высокий худощавый человек. Совершенно лысый, в роскошной одежде. Несмотря на невероятную худобу, на шее красовался двойной подбородок, словно жир не хотел уходить из этого места. В руках он держал кипу бумаг в кожаном переплёте.

— Что-то случилось? — спросил он пажа.

— Не могу знать, ваше благородие, — пожал плечами Фатим. Его благородие просит вас.

С тяжёлым вздохом Никарим Намэриос направился к Силасу. Последний в этот момент стоял, опершись на парапет, и пытался взглянуть на внешнюю сторону стены.

— Ваше благородие, лорд-кастелян Ланкаля, вы хотели меня видеть? — спросил Никарим.

— Ровно три дня назад я рассылал инструкции. Они у вас? — спросил Силас, не отрываясь от своего занятия. Он наклонился настолько сильно, что при желании его можно было легко сбросить со стены.

— Да, ваше благородие.

— Дайте мне их, — сказал Силас, выпрямившись.

Пока Никарим искал документы, лорд-кастелян рассматривал собеседника. Если одежду Силаса можно было описать как удобную, то Никарим являл собой образец роскоши — по крайней мере в представлении провинциального аристократа. Кафтан с настолько широкими рукавами, что в них можно было бы спрятать пару младенцев, и осталось бы место для мешка картошки. Из-под кафтана, который явно был великоват носителю, торчали сапоги. В них бы он упал, не пробежав и трёх метров — настолько высоко носы были загнуты вверх.

Силас взял документы и принялся читать вслух:

— В связи с ранее игнорируемой угрозой атаки врага со стороны гор приказываю усилить восточную и западную стены города крепости Лимилием, — он поднял глаза. — Укрепление должно соответствовать статье 11 Общего положения о безопасности крепости. Сколько заклинаний должно быть на стенах в соответствии с этой статьёй?

— Тридцать пять, — сказал Никарим спокойно, хотя ощутил, как по телу пробежал холодок.

— Здесь двадцать девять заклинаний, — Силас сделал шаг вперёд, встал вплотную к собеседнику. — Я посчитал каждый эффект, действующий на этом участке. И мне интересно, почему в акте о приёме стоит ваша подпись? Вы умеете считать?

— Это какая-то ошибка, ваше благородие, я срочно прикажу всё переделать. Хотя нет, я лично наложу недостающие заклинания.

— Недостающие? — спросил Силас, в голосе которого чувствовалась ярость. — Два заклинания с эффектом усиления. Одно заклинание ускорения магии. И ни одного заклинания отталкивания от стен. — Наконец он перешёл на крик: — Сколько должно быть перечисленных видов?

— Пять, три и семь соответственно, — ответил Никарим, втягивая голову в плечи.

— Это ваше первое задание в статусе диокета стены. Повезло, что вы служили здесь, а не в Лихельме.

— Милорд, прошу милости! — Никарим низко поклонился. Такого больше не повторится. Я клянусь именем своего отца! Я поверил инквизиторам и поставил подпись без личной проверки! Клянусь, такого больше не повторится.

— Мне плевать на твоего отца, — рявкнул Силас. — Мне нужны чёртовы заклинания. На чёртовых стенах. Чтобы, когда сюда придут мёртвые, у нас был хотя бы шанс надыхнуться перед смертью. — Силас больше всего хотел ударить собеседника по лицу, но свидетелей было многовато. — Фатим, ко мне!

Молодой паж, державшийся неподалёку, подошёл. Привычным движением он протянул своему лорду свёрток бумаги. Это был акт о приёме работ по укреплению восточной стены города Лимиием.

— Молодец, сообщил, — похвалил пажа Силас. Он быстро прочитал список имён, а затем принялся диктовать указ пажу: — Лорд Никарим из рода Намериосов приговаривается к заточению на три месяца в темнице. Лорд Кэдал, будучи его заместителем, не указал своему начальнику на недочёт. В темницу на десять дней. Инквизиторы Асефин и Тигаэм, как проверившие стену до меня и не отметившие нарушение, передаются церковному суду. Требовать заключение на год.

Паж записал всё. Несмотря на скорость, с которой перо скользило по бумаге, почерк оказался идеальным.

— Давай, — сказал Силас спокойным голосом, словно и не подумывал избивать лорда минуту назад. Получил документ, поставил подпись. — Поговори с Первым Священником Ланкаля, проси перепроверить все стены ещё раз, — сказал он и отправился к ближайшей лестнице, ведущей со стены. Рыцарская гвардия последовала за ним.

Спустя менее часа лорд-кастелян и его стража уже ехали по дороге, направляясь в другой город.

— Чёрт, — думал Силас. — Род Намериосов в целом неплох. И его могли подставить Кэдалы. А могли и Валикарды. А за ними всеми могут стоять хоть церковники, хоть Дбугэсы. А может, этот Никарим просто идиот? — от таких мыслей начинала кружиться голова. — И как управлять крепостями, когда даже здесь, на первой линии обороны против мёртвых и зверей, интриги и предательства процветают словно в столице? — Он плюнул, чтобы хоть как-то выплеснуть раздражение.

В такие моменты он всегда вспоминал лицо императрицы. Старое, почти уродливое. Но наполненное невыразимой добротой и заботой. Они виделись всего раз около года назад. Однако выражение искренней благодарности и восхищения на лице престарелой правительницы не покидало воспоминаний Силаса.

Но как бы ни была хороша императрица, ей не удалось победить главных врагов государства — казнокрадов, лизоблюдов и трусов. — Силас сторбился, словно человек, оказавшийся перед непреодолимым препятствием. — Интересно, — подумал он, чтобы отвлечься, — а как она выглядела в молодости?

Неизвестно, куда бы зашли подобные мысли военного человека, но размышления были прерваны. Вдалеке показался город, который Силас сделал своим штабом — Люфиан.

Город, когда-то являвшийся центром торговли, теперь напоминал ошестинившееся чудовище, готовое к атаке. Деревянный частокол с зачарованными кольями опоясывал город с трёх сторон. За частоколом располагались небольшие башни, соединённые малой стеной. Военные называли такую конструкцию «противница мла-денцев». За ними — вал, усиленный таким количеством заклинаний, что у обычного человека голова заболела только от нахождения рядом с ним. За ним — ещё одна «противница младенцев». Потом — ров с кольями. Любого неподготовленного рядом с ним стошнило бы. Поэтому у рва появилось особое название — Блевотник. За Блевотником — ещё башни, которые одной из стен упирались в ров, полный воды. Отравленная жидкость противно булькала, и за это ров получил название «Помойник».

Проехать здесь можно было только при помощи магии или задержав дыхание. Ещё две башни — и наконец начинались крепостные стены города.

Двадцатиметровая громадина возвышалась над окружающим пространством, точно гигант над лилипутами. Даже Силас ощущал себя маленьким в сравнении с ними. Пространство вокруг стен звенело настолько сильно, что жить рядом с ними стало невозможно. Огромное количество защитных чар, гигантское количество атакующих заклинаний заставляли серый камень искрить настолько часто, словно это были украшения для ярмарок, а не серьёзное военное укрепление.

Единственное «слабое место» города располагалось на востоке. Здесь стена была в разы ниже, зато упиралась в огромное ущелье, через которое был перекинут подъёмный мост. Силас всегда смотрел на эти укрепления с гордостью. Всё, кроме стен города и Помойника, было построено по его приказу.

Лорд-кастелян въехал в город. Здесь сохранились следы прежней жизни. Большое количество торговых домов. Они стояли прямо около ворот и тянулись вдоль огромной главной улицы города. Даже сейчас, когда основным населением Люфиана стали солдаты, здесь чувствовался запах свежего хлеба, слышались крики лавочников.

То тут, то там бегали дети, предлагая прохожим листовки с адресами булочных, суконных лавок, сапожников и Свет знает кого ещё. Силас не обратил на них внимания. Не обратил внимания он и на великолепные дома богатых людей. Величественные статуи подпирали крыши вместо колонн. Дома были разукрашены так, будто соревновались с ярмарочными шатрами: красные, жёлтые, зелёные громады. С фонтанами, выложенными мозаикой дорожками. И все с большими садами. Там, где лавочников было меньше, можно было уловить аромат цветов — роз и ромашек. Были и другие, но Силас знал только эти.

И все — с большими садами. Там, где лавочников было меньше, можно было уловить аромат цветов — роз и ромашек. Были и другие, но Силас знал только эти.

Прямо в центре города красовалась стена — такая же, как и внешняя. Она имела десять башен. Ворота центральной башни были открыты и вели в другую часть города.

О том, что отряд рыцарей прибыл в часть города «для знати», возвещали две большие статуи — в два человеческих роста. Одна из них изображала орла, держащего скипетр и державу в клюве. Вторая представляла собой меч, который лежит на горе черепов животных. Герб империи и герб Люфиана были выполнены из мрамора. В камне были сделаны серебряные прожилки. Часть города, располагавшаяся за внутренней стеной, называлась «круг благородных», и здесь, в том числе, находился замок лорда-кастеляна.

Спустя примерно двадцать минут Силас наконец добрался до него. Стены замка были чуть ниже городских. Сделаны были из серого камня с огромным количеством заклинаний защиты. Спрыгнув с коня, Силас направился прямо в свой кабинет.

— Ваше благородие, повар приготовил обед, — сказал Фатим, указывая на человека, стоявшего напротив небольшого каменного домика.

— Я поем, когда закончу работу, — отозвался Силас, стараясь не обращать внимания на то, что живот уже час болел. Оно и понятно: он ведь и не ужинал, и не завтракал, и не обедал.

Настроение Силаса было слишком паршивым. Отвратительное предчувствие, участвовавшие ошибки подчинённых, больной живот, недовольство каждой высокородной собаки его методами. Лорду-кастеляну казалось, что богиня просто ждёт, когда он сдастся.

Наконец он добрался до рабочего кабинета. Помещение прямоугольной формы — что было модно в дни строительства замка. Две длинные стены упирались с одной стороны в окно во всю стену, а с противоположной — в так называемую «спальную стену». Здесь размещалась кровать. По мнению Силаса, на ней мог бы выспаться табун лошадей. Но спал на ней только он.

К окну был приставлен большой стол — из коричневого дерева, с большим количеством секретных ящиков, потайных отделений для оружия. На столе в совершенном порядке было

разложено множество документов. Все были собраны в десять стопок. Напротив стула, в самом центре стола, лежали самые важные документы.

— Стоит наградить Фатима за такую службу, — подумал Силас, садясь за рабочее место. — Наверное, такого порядка нет даже у императрицы.

Среди прочих документов Силас нашёл письмо. В нём было написано:

«Лорду-кастеляну владения Ланкаль Силасу Роуэну от Руки Армии Партиата. Писано в шесть тысяч девяносто третьем году от правления короля Карла, 20 марта. Уведомляю ваше благородие о том, что его благородие лорд Диатон Дбугэс и его благородие лорд Даэни́н Дбугэс придут к вам через два месяца после дня, в который было написано данное письмо».

— Боже, этот день уже скоро, — печально подумал Силас. — И какого чёрта? — прошептал он. — Что этому жуку могло понадобиться здесь? И зачем ты тащишь с собой сына? — спросил Силас, словно Диатон был рядом с ним.

Лорд-кастелян отложил письмо, но раздражение осталось. Диатон никогда не приезжал просто так. Покончив с этим, лорд-кастелян открыл один из потайных ящиков и достал большую тетрадь. В ней его рукой была нарисована таблица. Её Силас принялся заполнять.

«Род Намериосов. Никари́м. Неправильно подсчитал руны.

Последствий нет.

Род Крана́мов. Крен. Ошибка в поставке медикаментов.

Пять солдат умерло.

Род Парлэ́тов. При́ат. Кража тысячи стрел. Лихельм недопо-лучил стрелы».

— И это только сегодня, — с отчаянием подумал Силас.

Он взглянул на свои записи. Чем ближе они были к сегодняшнему дню, тем больше их становилось. От этого зрелища Силасу стало тошно. Он чувствовал себя человеком, который тащит валун в гору, пока остальные толкают его вниз.

— Справедливо для того, кто однажды уже подвёл, — подумал он. — Но империя такими темпами падёт.

Он переместил взгляд на дальнюю часть стола. Там стояло три небольших картины. Первая — с ребёнком. Чёрные волосы, маленький нос. Нир Роуэн в возрасте десяти лет смотрел на отца с интересом во взгляде. Портрет устарел: Ниру месяц назад стукнуло двадцать. Второй — портрет императрицы Ланы. Художник явно добавил ей стати. И омолодил лет на триста. Но взгляд её был именно таким, какой запомнил Силас.

На последнем портрете — человек пятидесяти лет. Большие скулы, низкий лоб. Два больших глаза смотрели на мир с выражением рассеянного благодушия. Изображён человек был в полный рост, положив руки на рукоять меча. На среднем пальце левой руки — кольцо с аметистом.

Силас никогда не знал Кирана Креастона, но потратил полгода, чтобы точно узнать внешность сторожа башни номер сто четырнадцать в Сарадите. Именно он предупредил его крепость и две соседние о нападении мёртвых.

— Фатим, идём со мной. И позови Семфиона, — приказал Силас с тяжёлым вздохом.

Фатим быстро выполнил распоряжение лорда. И вскоре процессия из двух рыцарей-гвардейцев, лорда-кастеляна, пажа и Семфиона отправилась во внутренний двор замка.

Семфион был толстым низким человеком, одетым в красный кафтан с розовым узором. Как и подобает кафтану знати, он был украшен золотым рисунком, который напоминал руну « $\perp\tilde{c}$ », читающуюся как «с». Его ярко-зелёные глаза, брошь, изображавшая скипетр, выдавали мага ранга графа магии. Вторая брошь изображала пилюлю. Первый лекарь империи имел вид необычайно сосредоточенный — словно даже сейчас что-то исследовал.

Вскоре процессия оказалась во внутреннем дворе замка. У прошлых хозяев здесь располагался сад из крайне красивых деревьев. Силас даже хотел их оставить, но потом нашёл им отличное применение — колья вокруг города. Когда-то здесь росла мягкая трава, но Силас

велел покрыть всё камнем — красота не спасает от мёртвых. Так появилась личная тренировочная площадка Силаса.

— Итак, — Семфион сделал шаг вперёд. — Давайте попробуем. Помните всё, чему я вас учил: не пытайтесь так сильно контролировать магию.

— Да, — вздохнул Силас. — Надеюсь, на этот раз будет лучше.

Фатим и пара слуг принесли камень. Валун был настолько тяжёлым, что троим магам пришлось помочь мышцам магией, чтобы дотащить его. Они опустили ношу прямо перед лордом-кастеляном. Камень опустился на пол совершенно беззвучно. Даже пыль не поднялась. Лишь защитные руны вспыхнули, поглощая удар.

Все, кроме Семфиона, отошли на почтительное расстояние. Силас закрыл глаза. Спустя мгновение по воздуху стал распространяться лёгкий, почти неуловимый запах. Тело мага испускало свет, яркость которого быстро росла. Вскоре никто не мог взглянуть на лорда-кастеляна.

— Неправильно, — сказал Семфион. Тело Силаса перестало сиять.

— Что не так? — обречённо спросил он.

— Вы выталкиваете магию отсюда. — Семфион коснулся центра груди Силаса — Так вы лишь создадите взрыв. Уверен, ваши внутренности на полу не очень помогут нам победить.

Некоторое время Семфион размышлял, осматривая тренировочную площадку. Он искал вдохновения. Но оно приходило отказывалось. Семфион обучал людей ранее. Но тех, кто хотел стать лекарем. Да и как объяснить человеку хоть что-то о магии, если он только барон на пятом десятке лет?

— Представьте, что вы пьяны.

— Я никогда не пил. — раздраженно ответил Силас. — Если мертвецы полезут за стены, а я буду валяться в хлеву с бутылкой победы не будет.

Семфион тяжело вздохнул:

— Ну, пьяного человека то вы видели? Как он себя ведет? Он идет с заплетающимися ногами, никогда не ударит по цели. Будь она с километр в диаметре. Но все равно добирается в пункт назначения. — Семфион хмыкнул — Ну, или падает на пути.

— Это не помогает.

— Просто позвольте магии течь. — выражение лица Семфиона выдавало такую беспомощность, что Фатиму стало жаль его — Она сама заполнит ваш Узор Магии.

Силас попытался снова. Закрыл глаза. Попытался расслабиться. На миг в центре его груди появилось что-то теплое. Едва различимая температура. Казалось, стоит сделать пол шага и источник его исчезнет. Силас подумал:

Появись в руке.

Тепло начало перемещаться. Подобно птице на земле, оно прыгало из стороны в сторону. Сначала в горло. Потом в висок. Затем появилось в плече. Каким-то чудом оказалось в ногах и лишь потом в ладони. А затем исчезло.

— А на этот раз что не так? — рявкнул Силас, махнув рукой — На этот раз, клянусь, я сделал все правильно. И не мешал ей двигаться, и приказал. Надо еще помолиться и попрыгать на одной ноге?

Семфион не смог скрыть улыбки:

— В любом учебнике сказано, что простого приказа мало. Представьте, куда должна течь магия. Вы ведь выполняли те упражнения, которые я дал?

— Разумеется.

— Тогда у вас все получится.

Силас, конечно, не врал. Несколько дней подряд он перед сном смотрел в стену. И представлял, как по ней скользят золотые линии. Но связь между упражнением и своей задачей лорд-кастелян понял лишь сейчас.

На этот раз Силас решил не закрывать глаза. Он нахмурился, глубоко вдохнул и выдохнул. На миг внутренний монолог остановился. А тело лишь на крошечный миг провалилось куда-то. В место столь великое и прекрасное, что разум отказался его постигать. В груди появился жар. Достаточно сильный, чтобы стиснуть зубы от боли. Поток чистой мощи устремился по шее, скользнул в предплечье. Силас ощутил тепло каждой косточкой и тканью. На миг плоть показалась прочнее стали. Жар змеей пронесся к руке и наконец застыл в запястье.

— Представьте образ. — услышал Силас голос Семфиона

И представил сферу. Жар внезапно исчез. Миг — ноздри уловили запах гари. Словно где-то жгли гнилое дерево и навоз. Силас открыл глаза. В сантиметре от его ладони парила небольшая сфера. Желтого цвета, с нечеткими краями. Она переливалась всеми оттенками золотого. И время от времени пульсировала. С каждой вспышкой света размер магии то уменьшался, то увеличивался.

— Поздравляю, вы маг. — с сарказмом, без злобы сказал Семфион — А теперь просто перестаньте о ней думать.

Только после этих слов Силас ощутил давление. Казалось, его мозгу стало тесно в черепе. Все больше и больше его мыслей, или сознания, или бытия — Силас не мог понять это ощущение — как будто перетекало в сферу. Сильным напряжением воли Силас заставил себя оторвать взгляд. И спустя миг в руке уже ничего не было.

— Все очень даже хорошо. — кивнул Семфион — Пара таких занятий и будете этими сферами бумаги таскать.

— Но этого мало. — вздохнул Силас — Слишком мало.

— Так вы и начали поздно. — ответил Семфион — Сильным магом вам никогда не стать, уж простите за прямоту. Да и для такой магии нужны воображение и концентрация. А одновременно нельзя забывать давать магии свободу. Это сложно, понимаю.

Силас обреченно вздохнул. Примерно до часа ночи Силас тренировался. В конце он смог создать сферу с целую голову младенца. И пусть ее края не были стабильными, пусть пахла его магия отвратительно. Все равно это было хорошим результатом трех месяцев обучения.

Глава 6 Император Тьмы

Лана летела в нескольких метрах над небольшой равниной. Слева и справа тянулся густой лес, скрывавший море. Оно и сейчас шумело в отдалении отвратительным гулом, словно кто-то чавкал. При каждом порыве ветра доносился запах гнилой рыбы, разлагающихся останков животных и бог знает чего ещё.

Похоже, даже в заточении он стал сильнее, — подумала Лана.

С каждым преодоленным метром дышать становилось всё труднее. Чем ближе она подлетала к центру Массива, тем хуже становилось. Казалось, на её плечи положили мешок камней — и постоянно добавляли новый. Лёгкие сдавливало, словно при погружении на большую глубину. В глазах мелькали чёрные точки.

Лана коснулась шеи, и та начала испускать слабое сияние. Магическая поддержка позволила лёгким впустить достаточно воздуха. Она отдышалась. Спустя полчаса императрица добралась до очередной колонны. Это строение резко отличалось от остальных: все прочие были высечены из обычного камня, а эта — из чистого света. Когда-то она располагалась перед воротами Даэрона, но густой туман скрывал стены мёртвого города.

Невероятная магическая мощь пульсировала внутри колонны, совпадая с частотой бие-ния сердца Ланы. Это была её главная гордость — последняя линия обороны на случай, если Дарк пройдёт все остальные. Открыть её можно было только снаружи и только произнеся искренне и честно то, что Дарк никогда не смог бы сказать.

Лана коснулась колонны, закрыла глаза и произнесла:

— Мой отец не пытался меня убить.

Когда она открыла глаза, то оказалась в совершенно ином месте — прямо перед чёрной громадой крепостных стен Даэрона. Вокруг стояла совершенная тишина. Не было ни ветра, ни движения. Даже солнце застыло в той точке, в которой находилось в момент запечатывания. Когда-то Лана решила, что Дарк должен хотя бы видеть солнечный свет, и несколько лет назад изменила заклинание.

Некоторое время она стояла неподвижно. Со стороны могло показаться, что старая правительница пытается стать частью пейзажа — такой же неподвижной и мёртвой. Но в голове крутилась мысль, заставившая её замереть.

— Последний шанс развернуться, — осознав это, она невольно обернулась к столбу света и едва не положила на него руку. — Ты должна спасти тех, кто на тебя рассчитывает, — напонила она себе и уверенно сделала несколько шагов вперёд.

Стена города внушала трепет. Лана думала, что, если бы рядом оказался бог, он почувствовал бы себя карликом. Стометровая громада, ошетилившаяся зубцами на вершине. Башни высотой в сто пятьдесят метров с тремя рядами бойниц. Каждый камень, каждый сантиметр поверхности был исписан рунами. Лана узнала бы почерк мужа среди тысяч похожих.

И всего лишь двадцать царапин. Два года длилась осада этого места, и только двадцать раз удалось поцарапать стены. Все повреждения нанесли Руки Трона. От трещин веяло невыразимой магической силой — настолько мощной, что даже сейчас у Ланы закружилась голова.

— А ведь когда-то магия совсем на меня не действовала, — с тоской подумала она. — Как же хочется снова быть сильной.

Она представила, что снова сможет бегать, что по утрам не будут болеть колени, а вечером — ныть поясница.

— Ради такого уж точно стоит освободить его, — подумала пожилая женщина, невесело хихикнув.

Взгляд Ланы переместился с крепостных стен на пространство перед ними. Перед владычицей раскинулся широкий ров. Когда-то яма шириной в три человеческих роста была напол-

нена водой, но теперь пересохла. То тут, то там виднелись деревянные мостики. В нескольких местах во рву лежало так много тел, что перейти можно было прямо по ним.

За рвом телами было усеяно всё. Земли или травы видно не было. Вот солдат с огромной дырой в туловище — после удара магии остались лишь левая половина тела и кусочек головы. Рядом лежал воин, чей щит раскололся, и верхняя часть воткнулась ему в горло.

Кто-то умер, упав со стены. Такие люди скорее напоминали кучу плоти, чем человеческое существо. Однако запаха разложения не было — как и следов. Казалось, время здесь остановилось, и солдаты навечно остались в гигантской братской могиле площадью пятнадцать квадратных километров.

Лана смотрела на воинов, вглядываясь в лица каждого. Она старалась запомнить их. Если она не могла похоронить павших — ведь тела частично поддерживали печать, — то хотя бы погрустить о каждом было её долгом.

— Скоро я смогу вас похоронить как следует, — прошептала она.

Говоря это, старушка смотрела на тело солдата лет шестидесяти. В его туловище вонзилось около пятидесяти стрел. Лана до сих пор помнила, как они просвистели. Когда трое Рук Трона пожертвовали собой, чтобы пробить ворота, именно он затрубил «штурм». И это его погубило.

Ещё один шаг вперёд — мир исчез. Сжался до размеров ушка иглы и заполнился тьмой. Совершенной, непроглядной. Лана хотела воспользоваться магией, но вдруг поняла, что забыла, как колдовать.

Спустя мгновение исчезло зрение. Потом слух и обоняние. Стало холодно. Невероятно холодно. Чувства исчезли, а на их место пришло всепоглощающее одиночество. Лане показалось, что она одна в целом мире. Да и мира больше не существует. Только эта тьма. Она казалась себе песчинкой, оставшейся на совершенно пустой планете. Императрица закричала в надежде услышать чей-то голос. Но никто не ответил. Все её покинули. Улетели с планеты или просто заперли здесь. А может, и умерли.

Какая-то мысль мелькнула в голове — едва различимое желание, что на миг отогнало чувство одиночества. Лана попыталась ухватиться за него, но мысль ускользнула. Перед её взором промелькнуло лицо отца — с кинжалом в левом глазу. Несмотря ни на что, он пытался в последний раз увидеть дочь. Но она стояла слева от него. Затем увидела бабушку — точнее, её голову на полу какого-то зала. Своего сводного брата. Тоже мёртвого. Все они её оставили. Так зачем куда-то идти? Она их потеряла. И нашла теперь.

И снова мелькнула мысль. Собрав остатки воли, Лана повторила её вслух, хотя и не услышала собственного голоса.

— Нужно всех спасти, — повторила она про себя.

Мысль стала отчётливее. Образы мёртвых начали рассеиваться. Она вспомнила Нуата, Ваэли, даже императора.

— Если не я, то никто не справится, — подумала она. Благодаря этому вернулась ясность мысли. Несколько мгновений она думала, а потом громко сказала:

— Я не виновата в этих смертях. После этих слов тьма исчезла.

Лана вернулась в реальный мир. Тяжело дыша, она обнаружила себя стоящей на коленях. Глаза её были полны слёз. Перед ней лежал мешочек зелёно-синего цвета с красным узором в виде дерева.

Так это было испытание Траана? Умно. — подумала Лана. — Дарк по праву мог считать себя самым одиноким в мире.

Единственный живой маг тьмы, которого не убили сразу лишь потому, что он один мог унаследовать престол. Видимо, по задумке Траана, чувство одиночества и вид собственных преступлений должны были бы сломить Дарка. Но заклинание было рассчитано на императора,

а не на Лану. Как и в случае с колонной, она просто сказала правду. Она не убивала свою семью — для неё это сделал император.

Наконец Лана двинулась к городу. Преодолев ров, она направилась к единственной брешии в стене — сломанным воротам. Большая дыра чем-то напоминала кляксу белых чернил на чёрной бумаге.

Прямо в брешии она увидела тело. Когда-то оно принадлежало человеку, но теперь это можно было определить лишь по косвенным признакам. Невысокое, похожее на женщину существо с чешуёй вместо кожи. Лицо можно было назвать человеческим, но вытянуто оно было почти по-собачьи. В глазах застыло выражение решимости, достойное рыцаря из легенд. Когтистая рука до сих пор сжимала клинок. Лана обошла тело, но внезапно остановилась — на миг ей показалось, что существо дышит.

Лана испытала странную смесь надежды и страха. Она помнила, как Нианэль доказывала важность реформы армии. Помнила, как Нианель, она и Ваэли пили вместе. Как Нуат, Ваэли и Дарк искали ей мужа. И как она последовала за императором в Даэрон.

— Они мертвы уже восемьдесят лет, — напомнила себе Лана и пошла дальше.

Идя по улицам этого города смерти, она ощущала себя лишней. Тела на улицах, внутренности на стенах домов. Да и сами дома напоминали скорее останки древних левиафанов, чем постройки для людей. Один дом почему-то имел ноги. Другой — глаза, которые смотрели в пустоту. Лана вскрикнула, увидев это «чудовище». Женщина бросилась бегом, свернула на улицу, ведущую к замку.

— Может, ещё не поздно повернуть? — подумала она и остановилась.

И тут же пожалела об этом. Прямо перед ней лежало ещё одно тело — невероятно уродливая тварь с семью руками и тремя парами глаз. Лужа чёрно-фиолетовой крови не высохла. Существо лежало не на земле: в каждой руке был клинок, и их острия упирались в камень, удерживая тело в воздухе. В груди этого отродья зияла огромная дыра с обугленными краями. Нуат сражался с ним два часа, прежде чем убил.

Лана сглотнула. Существо, казалось, вот-вот оживёт и набросится. Разрушенные дома, трупы... Пространство, как казалось Лане, сжималось. Трупы оживали в её воображении и тянули к ней свои отвратительно свежие конечности. Императрица вздрогнула. Свет искрами пробежал по её телу.

Восстановив контроль над сознанием, Лана двинулась дальше. Наконец она добралась до замка города Даэрон, который назывался Даэстэль. Он располагался на побережье моря, но из-за действия магии здесь не было слышно даже намёка на шум волн.

Замок не уступал размахом стенам города — а местами даже превосходил их. Полгода шёл штурм последнего оплота Дарка. И никто не смог оставить на нём ни единой царапины. Ворота замка не были сломаны — их открыли. Лишь благодаря смелости священника, который ночью смог проникнуть внутрь, удалось взять эту твердыню. Ворота украшал рисунок в виде двух людей в коронах. Они целовались. Когда-то Дарк подарил эти ворота Лане, и они поставили их в городе, который взяли последним в ходе создания империи.

— Даже странно, что Дарк их не заменил, — подумала Лана. Она сделала ровно десять шагов по направлению к воротам внезапно отпрыгнула назад. Спустя мгновение раздался громкий свист, и в то место, где она стояла мгновение назад, ударила цепь. Сделанная из чистого золотого света, она наполнила воздух звоном невероятно сильных чар. Цепь тут же ударила снова. Лана бросилась в сторону, но противоположный конец цепи задел её, сломав руку. Удар отбросил императрицу в какой-то дом. Потеряв жертву из виду, цепь принялась бить всё вокруг, словно кузнец — раскалённый металл.

Лана не двинулась с места. Её тело окружило сияние, сформировавшееся в небольшой кинжал. Императрица прицелилась, направила его ровно в пятое из двенадцати звеньев цепи — и метнула нож. Попала, и цепь тут же распалась.

— Лёгкая часть закончилась, — подумала Лана.

Эта цепь была одним из её лучших заклинаний. Уничтожь все звенья разом — всё восстановится. Уничтожь любое, кроме пятого, — количество звеньев удвоится.

Лана коснулась сломанной руки. Свет обвинил её, точно змея жертву, и боль прошла.

— Главное — не забыть, что она сломана, — напомнила себе Лана.

Восстановив дыхание, она пошла дальше. Пройдя наконец через ворота, оказалась в очень просторном коридоре. Насколько знала Лана, во времена строительства замка было модно делать широкие коридоры — и она понимала почему. Высокий сводчатый потолок, когда-то украшенный фресками.

От входа в два ряда стояли колонны. Они не удерживали потолок — только украшали помещение. Каждая колонна была украшена статуей, вырезанной прямо в ней.

Сложно было сказать, кто был здесь изображён. Лана узнала только двух человек. Один — с очень умным взглядом, даром что глаза были каменными. Широкая борода, худое лицо. Первый известный повелитель людей — Карл — смотрел на своих потомков умным, но, как показалось Лане, разочарованным взглядом. Напротив него стояла статуя женщины. Одета она была в мужской костюм, и лишь большая грудь выдавала пол. Её голову, как и голову Карла, венчала корона. Но если корона Карла была самой обычной, то на голове женщины — костяной. Первая повелительница людей и королева Карла, Дариэлла, смотрела на своих потомков добрым и мягким взглядом, словно мать, встречающая сына после войны.

Лана прошла по коридору до конца и остановилась у выхода. Здесь, согласно моде тех лет, располагался так называемый «круглый зал». Он имел четыре лестницы, ведущие в разные части обширного дома. В центре находился фонтан, который давно не работал.

Лана понимала любовь жителей Старой империи к широким коридорам, но никак не могла принять их страсть к лестницам. Как же престарелым людям подниматься по десяткам, а то и сотням ступеней за день?

Она сделала несколько шагов вперёд и подошла к фонтану. Тот был вырезан из мрамора. В центре — статуя двух целующихся людей: женщина лежала на мраморной траве, а мужчина с крыльями обнимал её. Оба были обнажены, каменные губы тянулись друг к другу, на лицах обоих скульптор передал желание. Лане казалось, словно сама любовь застыла в камне. Эту статую Лана подарила Дарку в ответ на ворота Даэрона.

Перед фонтаном стояло существо. Рыцарь в самой обычной броне. Шлем открыт, панцирь покрыт чарапинами. Но лица не было вместо него серый камень. В руках рыцарь сжимал меч. Он стоял спиной к Лане и смотрел на лестницу, ведущую на второй этаж, туда, где находился тронный зал.

— Испытание Партиата? — подумала Лана и сделала ещё один шаг.

Реакции не последовало. Лана обошла воина по широкой дуге, не спуская с него напряжённого взгляда. В воздухе витал запах пыли — никакая магия не могла изгнать её из этого места. Пол был настолько пыльным, что на нём отчётливо отпечатывались следы императрицы.

— Интересно, а каким слоём покрыт Дарк? — подумала Лана, улыбаясь.

Существо ожило мгновенно.

Лана бросилась в сторону, но рыцарь оказался рядом быстрее, чем она успела вдохнуть. Грохот его шагов эхом прокатился по залу. Прежде чем Лана поняла, что происходит, два её пальца были отсечены. Боль вспыхнула, но она не обратила на неё внимания — взлетела вверх, создавая пику из света. Она обрушилась на рыцаря, но тот лишь отмахнулся и прыгнул к потолку, к ней. Удар.

Лана едва успела уклониться. Вокруг её тела появились кинжалы света. Пространство зазвенело от силы. Все кинжалы попали в цель — и ни один не нанёс вреда.

— Какого чёрта? Я не так слаба, — подумала Лана.

Над её ладонями возникли вращающиеся квадратные печати, вытягивающие из пространства магию. Воздух загудел. Из стен вырвались лучи света, устремляясь к императрице. Она не стала уклоняться от следующего удара — позволила клинку пронзить себя и создала огромный сияющий меч. Он пригвоздил рыцаря к стене.

Лана опустила на землю. Вся её магия устремилась к раненому боку и сломанной руке. Только её свет мог лечить — и сейчас доказывал это. Боль ушла, раны затянулись.

Но и огромный клинок не нанёс рыцарю ни малейшего вреда. Он бил по нему мечом, и с каждым ударом лезвие клинка Ланы становилось всё тусклее. На пятом ударе оно исчезло.

— Думай, — приказала себе Лана. — Я сделала всё, как сказал Партиат... Почему же оно живое?

Дыхание сбилось. Она хватала воздух ртом. Ритм, скорость, направление атак — всё менялось постоянно. Пару раз она падала и лишь чудом успевала отлететь достаточно далеко, чтобы не потерять голову.

— Попробую пройти его правильно, — решила Лана.

Она увернулась от очередного удара и, собрав всю силу, что оставалась в теле, ударила рыцаря в торс. Тот отскочил назад на полшага — и одним движением отрезал ей голову.

Лана моргнула. Её голова была определённо на полу. Она не ощущала никаких изменений. Видела перед собой лестницу, ведущую на второй этаж. Но существо убило её у фонтана. С такого ракурса увидеть проход дальше было невозможно.

Тогда Лана просто пошла вперёд. Она не понимала, что происходит. Мир немного плыл, словно она выпила слишком много. Императрица ощущала движение, но не видела его. Нога её тела упёрлась во что-то. Лестница?

Лана попыталась поднять ногу. У неё получилось. Потом ещё раз. Ещё и ещё. Внезапно она ощутила боль — острую и пронзительную. Голова вернулась на шею. Точнее, она была там всегда. После рыцаря остались лишь доспехи. А сама императрица обнаружила себя на площадке перед проходом на второй этаж.

— Дать себя убить, чтобы пройти дальше? — подумала Лана. — Он бы до этого додумался через год-другой. — Она усмехнулась. Хотя скорее через пару часов.

Никакие ловушки, кроме той, что создал Траан, и колонны Ланы не смогли бы удержать императора надолго. Но они смогли бы выиграть достаточно времени для подготовки обороны. По крайней мере Лана всегда в это верила.

Ещё один широкий коридор вёл в квадратный зал. К нему поднимались три лестницы — по одной в каждой стене. В четвёртой находились двери, ведущие в тронный зал замка. Восемьдесят лет назад эти двери украшала корона, выложенная драгоценными камнями. Сейчас остались лишь углубления для них. Все камни были отданы солдатам, первыми достигшими этого места. Только один из них — Нуат — получил камень лично. Остальным он был положен в гроб.

Перед воротами горел небольшой костёр, словно кто-то отдыхал здесь совсем недавно. Испытание, созданное Нуатом. Оно стало бы вторым, если бы Дарк выбрался из тронного зала.

— Многовато сил потратила, — с сожалением подумала Лана. — «Разом высвободи больше магии, чем в этом костре», говоришь? — сказала она вслух, словно Нуат был рядом.

Внезапно она почувствовала сильное одиночество. Ей показалось, что это ещё одно испытание. Но быстро поняла, что это не так.

Она ощутила себя маленькой. Слишком маленькой для огромного и чудовищного монстра. И монстром был не муж — а империя. Сколько ещё она будет её мучить?

Сколько ещё жертв заставит меня принести? — прошептала она, глядя на огонь. У неё не хватило бы сил уничтожить это.

Но всё же кое-что можно сделать. Раз такая ярмарка — тащи последнюю рубаху.

Эту пословицу очень любил её отец. Часто повторял её, особенно во время планирования военных походов. Лана произнесла:

— Нёа лэт килоттрёл'ю лаэдраг'ир эид сэулён нойг рифол'у².

Все пальцы левой руки, кроме большого, исчезли. И в этот миг пространство наполнилось ароматом ладана. Исчезли комната, лестница — всё обратилось в сияние. Лана зажмурилась. Она ощутила, как к полу её придавила огромная сила. С невыразимым трудом она подняла руку, чувствуя, как ломаются кости. Ей удалось собрать всю магию в сферу и направить её в костёр. Этого оказалось достаточно.

По комнате распространился запах еловых веток. Костёр вспыхнул несколько раз — и быстро потух.

Стараясь не думать о том, что её красота никогда не станет прежней. Лана подошла к воротам. Они поддались неожиданно легко, словно вели в детскую комнату, а не к запертому императору. Лана оказалась в просторном помещении с множеством бойниц, через которые проникал свет. Его было явно недостаточно, чтобы разглядеть сидящего на троне. Виднелась лишь золотая дымка вокруг возвышения. На нём должен был стоять трон, но для Ланы это было ослепительное белое пятно.

Посреди тронного зала стояли доспехи. Они были огромными, но вполне можно было представить человека, которому они пришлись бы впору — двухметрового великана, героя легенд.

— Марионетка? — подумала Лана. — Как вообще Ваэли раздобыла подобную мерзость?

Она сделала несколько шагов вперёд — и марионетка ожила. Доспехи выхватили меч, и в следующий миг они уже были возле Ланы. Кончик клинка остановился в сантиметре от её горла. Лана вспыхнула светом. Марионетка отскочила и снова пошла в атаку.

Удар — удар — удар. Ногами, рукой, мечом. Каждое движение — резкое, точное, выверенное.

Лана бросалась из стороны в сторону, едва успевая реагировать. В очередной раз она попыталась уклониться, но больное колено подвело. Она потянулась к столу, что оказался рядом, чтобы облокотиться, — и не успела. Свет сконцентрировался на её спине, но марионетка ударила по сухожилиям на ногах.

Боль вспыхнула так ярко, что у Ланы брызнули слёзы.

Она рванулась вверх, взлетела к потолку, пытаясь перевести дыхание. Марионетка взобралась на стену, словно гигантский таракан, и прыгнула на неё сверху.

— Но хоть так... — подумала Лана и выпустила кинжал из света.

Марионетка замахнулась, отбила кинжал, и меч на мгновение оказался внизу. Этого мгновения хватило. Лана выпустила шар света — и доспехи не успели отбить его. Шар попал точно в прорези шлема и взорвался внутри.

Марионетка рассыпалась в пыль.

Лана ощутила, как последние силы покидают тело. Она тут же убрала свет и полетела вниз. В последний момент создала облако у самого пола и упала. Некоторое время Лана лежала, разглядывая чёрную точку на сером камне. В висках грохотал звук, похожий на хрип — сердце колотилось. Было больно.

— Я уж и забыла, каково это, — подумала Лана. — И когда в последний раз я получала такие травмы?

Решив, что, вероятно, никогда, она наконец собралась с силами. С трудом встала. Магия позволяла стоять даже с перерезанными сухожилиями.

Лана полетела к ступеням, ведущим к трону.

Чем ближе она подлетала, тем отчётливее становилось одно чувство. Ощущение было похоже на ловушку Тараана, но наступало медленнее, незаметнее. Лана слишком поздно поняла, что испытывает отчаяние. Всепоглощающее чувство обречённости заставило её опу-

ститься на пол. Не понимая почему, императрица заплакала. Она ощущала, что потеряла всё — империю, друзей, любовь — всё, что когда-то было важным. Всё, что когда-то было в её руках, теперь казалось пылью.

— Этого тут не должно быть, — мелькнула мысль. — Ловушек не так много.

Видимо, кто-то не сказал ей и установил ещё одну. Однако она была лишена подпитки колонн и потому развеялась от самой слабой вспышки света.

Лана снова взлетела. К трону вела лестница из пяти ступеней. Небольшая подушка из колдовского света пронесла императрицу прямо к вершине. На расстоянии пары метров от последней ступени возвышался купол, похожий на желтоватую дымку. А за ним трон.

Из чёрного дерева, без единого украшения, но покрытый глазами — десятками глаз. Они были человеческими, только раз в пять больше обычных. Некоторые были мутными, другие — чуть влажными, словно недавно моргнули. Их давно покинула жизнь, и всё же Лане казалось, что они видят её душу, ощупывают её мысли.

А на троне сидела тьма. Тёмные щупальца сформировали нечто, напоминавшее человеческое тело, но лишь отдалённо. Голова была плоской, лишённой лица, но из неё, как из гниющего пня, прорастали ветви чёрного дерева, образуя подобие короны. Туловище состояло из переплетённых щупалец, и сквозь них можно было увидеть сердце — чёрный сгусток мрака, который бился медленно, лениво, будто через силу.

Руки были слишком длинными для такого тела и заканчивались когтями вместо пальцев. Вокруг существа витала дымка мрака: густая внизу, как болотный туман, и почти невесомая у лица, где она колыбалась, будто дышала.

На миг Лане показалось, что она стоит не перед мужем. Не перед императором. Даже не человеком. А перед кошмаром, который выбрался из худшего сна.

Тело императора сковывали двенадцать цепей из света. Они медленно пульсировали и казались тонкими жёлтыми линиями. Скорее прожилками в магическом камне, чем первой линией обороны печати. Время от времени тьма возле цепей обращалась в свет, и тогда цепи становились толще.

— Дарк! — позвала Лана. Ответа не последовало.

— Дарк! — крикнула она громче.

— Дарк!

На этот раз что-то случилось. Тело существа исказилось. Тьма, что клубилась вокруг ног, устремилась в тело. Спустя мгновение оно стало ещё более человеческим — не считая отросшего хвоста. А затем поток тьмы высвободился. Сильнейший удар заставил золотую дымку затрещать, точно стекло. Дымка истончилась, но выдержала удар.

— Боже, — подумала Лана, — ещё лет двадцать — и он сам бы сломал барьер.

Существо подняло голову, словно проснулось. Лана не видела глаз или выражения лица, но сущность определённо рассматривала её.

— Лана, — вдруг сказала тьма.

В этом голосе не чувствовалось ярости или желчи. Он напомнил Лане голос судьбы, выносящего приговор повару, что положил в блюдо на один кристалл соли больше положенного.

Некоторое время они играли в гляделки.

— Ты изменился, — сказала Лана. Свет за её спиной сгустился, образовав нечто вроде трона. Она села напротив мужа.

Существо не ответило.

— Теперь ты выглядишь так?

— Нет. Когда выберусь отсюда — стану прежним.

— Вот так? А сможешь?

— Через век, — ответил Дарк.

— Надеюсь, что, когда ты выберешься, моя голова окажется на самой красивой башне Клардара, — Лана сказала это так, словно выступала на сцене, и тут же отругала себя за подобную вольность.

— Сколько прошло лет? — спросил император.

— Тридцать или сорок? Или около того. Я не считала.

— Обсудим условия моего освобождения? — спросил император, принимая позу поудобнее.

— Прости?

— Ты не злорадная, не пришла бы наслаждаться победой. Да и твои раны не стоят подобного. Что случилось? — пояснил Дарк.

Лана тяжело вздохнула.

— Ну, — подумала она, — в конце концов он жестокий, а не глупый, — а вслух произнесла: — Ты когда-нибудь слышал о магии, способной воскрешать мёртвых?

Тьма слишком хорошо скрывала лицо Дарка, но Лана могла поклясться, что он удивлён вопросом.

— Нет, — ответил он наконец. — Это невозможно.

— Я здесь, как видишь. А значит — возможно.

Дарк подался вперёд, цепи сверкнули и прижали его к трону.

— Ты не врешь?

— Нет. На нашу империю напала армия оживших скелетов. Они воскресили погибших везде, где оказались. Против нас — целая армия.

— Твою империю. Моей она не стала. Лана закатила глаза.

— От этого разговора зависит твоя свобода, мужёк. Давай обсудим мои ошибки в другой раз?

По едва заметному движению тьмы Лана поняла, что Дарк пожал плечами.

— Я бы не смог сотворить такую магию. Если ты об этом.

— Я это понимаю, — ответила Лана. — На этот раз ты, скорее всего, ни при чём. Но по какой-то причине их не берёт никакая магия, кроме твоей.

Некоторое время Дарк обдумывал услышанное.

— Как такое возможно? — спросил император, в голосе которого звучал неподдельный интерес. — Огонь может победить воду, если действовать разумно. Земля — воздух, если маг талантлив. Любая стихия может победить любую другую.

— Ты, я, Нуат и весь Клардар задаётся тем же вопросом уже три года.

— И даже Нуат?

— Да. Я выразилась не совсем точно. Сильнейшие маги могут с ними сражаться. Но на одного мёртвого уходит сотая часть силы Нуата. Он убьёт лишь сто тварей — и станет бесполезен.

— Теперь я понимаю, — кивнул император. — У вас и правда большие проблемы. — Он помолчал. — Я должен помочь тебе решить эту проблему — и ты меня отпустишь?

— В общем, да. Ты поможешь мне избавиться от мёртвых, поганищ, что пришли с ними. А взамен я тебя освобожу и помогу захватить западный континент.

— Я должен спасти империю, которая меня ненавидела? — Опять... — в голосе императора звучала обречённость.

— Я прошу тебя спасти государство, которое ты строил со мной более ста лет.

— А потом оно меня предало.

— Тебя предала я, а не люди, — напомнила Лана. — Послушай, Дарк. Мы с тобой оба ошиблись. Я не смогла провести реформы, которые ты хотел. А ты не стал ждать и решил всё уничтожить. Но сейчас мы стоим противостоим силе, которая уничтожит нас. Нам нужно объединиться хотя бы для того, чтобы не умереть.

— В чём гарантия доверия? — спросил император.

— Ты и сам знаешь. Этот массив одноразовый. Мне больше нечем тебя сдерживать. Войны с тобой я не переживу, — Лана старалась скрыть страх. — Это твоя часть гарантии.

— И что же в качестве гарантии хочешь ты?

— Ограничение твоей силы. Оно не будет очень мощным, но сделает тебя чуть слабее меня. После того как война закончится, я клянусь снять его. И передать тебе трон Постэрвиса.

— Хочешь, чтобы я управлял континентом поганищ?

— Заключим вечный пакт о ненападении и будем жить, не беспокоя друг друга, — кивнула Лана. — К тому же кое-кто забыл сменить ворота в замке.

— Не было времени их сменить, — ответил Дарк с лёгким раздражением в голосе. — Не подумай чего лишнего.

— Меня бы стошнило, подумай я что-то лишнее про тебя, — ответила Лана. — Ты принимаешь предложение?

— Согласен, — кивнул Дарк. — Клянусь, что не нарушу условия этого договора.

— Пока этого достаточно, — кивнула Лана.

Она принялась ломать цепи и барьер, что был установлен вокруг трона. Несмотря на то, что эти заклинания должны были сдерживать сильнейшего колдуна людей, они были самыми слабыми из всех наложенных на Даэрон. Созданные в пылу боя путы имели настолько переплетенные потоки магии, что пришлось потратить несколько часов, чтобы совместными усилиями сломать их.

Наконец цепи рассыпались. Дарк смог встать. В тот же миг послышался гул. Тьма из его тела вырвалась наружу с оглушительным рёвом. Слово дракон, существо из детских сказок, ожило и теперь возвещало миру о его последних днях. Лана слишком устала. Она попробовала отлететь в сторону, но свет пропал спустя мгновение, и она полетела кубарем со ступеней. Тьма подхватила её. Подняв глаза, Лана впервые за долгое время увидела истинный облик императора.

Он был худым, ростом — чуть выше Ланы. На теле появился кафтан серо-золотого цвета, украшенный золотыми нитями и пуговицами. Под ним виднелся ворот рубахи — так было модно восемьдесят лет назад. Черты его лица можно было бы назвать красивыми. Короткие волосы на манер востока империи, красивый лоб без единой морщины. Лане всегда нравился нос её мужа, и он остался таким же идеальным. Как и резко очерченный рот, и узкий подбородок. Впечатление портила лишь невероятно бледная кожа. Когда Лана впервые встретила Дарка, она подумала, что он покрывает тело пудрой. Но нет — то была самая обычная кожа. И неприятные глаза. Ярко-красные, лишённые зрачков глаза смотрели на мир с выражением абсолютной безучастности. Казалось, что их обладателю плевать на всё, включая самого себя.

— Собираешься поглощать свой массив? — спросил Дарк. Лана поняла, что смотрит на него уже минуту, словно на картину, нарисованную так, чтобы каждый видел на ней что-то своё. — Или тебе нравится ходить в теле старухи?

Лана встала и кивнула. С некоторой опаской подошла к трону и коснулась его. В тот же миг всё окружающее пространство превратилось в чистый свет. Он устремился к Лане ровной и спокойной рекой. Река всё ускоряла и ускоряла свой поток. Спустя пять секунд тело Ланы начало сверкать. Сначала едва заметно, а потом всё ярче и ярче, пока даже Дарк не лишился возможности смотреть в её сторону. Император отошёл подальше, прислонился к ближайшей колонне и уставился в окно.

Яркий луч света подпёр небеса. Пару минут стоял оглушительный грохот. Потом он стал непереносимым. Столб света то сжимался, то расширялся. Замок начал дрожать.

— Дура, — подумал Дарк и взмахнул рукой.

Из земли появились руки из тьмы. Они устремились к столбу света, обняли его и начали сжимать. Дарк выглядел совершенно невозмутимым, но на его лбе появился пот. Столб света стал ещё больше. Дарку пришлось отпрыгнуть в сторону.

— Чем она там занимается? — с раздражением подумал император.

Тьмы стало больше. Руки обвили столб так плотно, что свечение погасло. Император поднял руку вверх и сжал кулак. Тьма сдавила свет с невероятной силой. Потом Дарк создал небольшие бреши во тьме, и свет хлынул из них наружу. Спустя пару минут поток магии Ланы стабилизировался. Наконец сила была взята под контроль.

Пару мгновений Дарк размышлял.

— Её контроль магии не к чёрту, — подумал он. — Я могу её убить.

Рука уже потянулась. Тёмный столб начал превращаться в сферу. Император представил, как слышит хруст шеи жены.

— Я дал слово, — подумал он и остановился.

Тьма развеялась, и Дарк увидел истинное лицо императрицы. Золотые волосы свободно лежали на груди и плечах, доставая до живота Ланы. Правильный овал лица, очень нежный взгляд золотых глаз и выразительные брови. Больше всего Дарку когда-то нравились щёки его жены. Они остались такими же румяными, как в их первую встречу. Полные губы, приятный подбородок. На миг на лице Дарка появилось выражение восхищения, но оно быстро исчезло. И вернулось привычное безразличие.

Лана тяжело дышала. Восстановив дыхание, она подлетела к Дарку и опустилась перед ним на расстоянии вытянутой руки.

— Спасибо, — сказала она. — Я отвыкла от этой мощи.

— В прошлый раз ты создала озеро, обучаясь контролю силы. — Так что неплохо, — ответил Дарк.

Лана медленно протянула руку. Даже теперь она ожидала удара. Она напоминала самой себе охотника, что случайно нашёл тигра вместо зайца. Наконец девушка коснулась кафтана. Дарк ощутил небольшое покалывание, когда на его груди стали появляться магические руны. С каждым новым знаком его связь с магией слабела.

— Он меня не убил, — думала Лана, пока накладывала заклинание. — Хотел, но не убил.

Она была рада тому, что план сработал. Вслух произнесла:

— Полетели. Нуат, наверное, сходит с ума от беспокойства.

В то время, когда Лана сломала цепи, Нуат лежал прикованный к колонне. Его поражало то, насколько спокойным казалось это место. Здесь не было войны с мёртвыми. Не было никого. Единственное место в империи, лишённое политики, интриг и ответственности. Несмотря на напряжённое ожидание, Нуат странным образом расслабился, разглядывая синее небо.

Внезапно раздался рёв.словно огромное чудовище возвещало миру о своём возвращении. Краем глаза Нуат увидел тьму. Из каждой травинки, из реки, из камней — отовсюду в небо взмыли чёрные щупальца. С громким свистом понеслись они в сторону Даэрона. Город исчез. Пропал в буйстве чёрного света. Спустя мгновение пришла ударная волна — настолько сильная, что сотрясла колонну до основания. По ней пошли трещины. Но строение выдержало удар. Сам воздух сочился теперь тьмой. В ноздри Нуата ударил запах — невыразимо красивый аромат вина, которого он не чувствовал уже восемьдесят лет.

Нуат побледнел. По его телу бежали мурашки. Широко открытыми глазами смотрел он на тьму, словно человек на бога. Прошла минута — и всё кончилось. Резко и внезапно. Воздух застыл. Весь полуостров погрузился в томительное спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.